намеченных целей, их жертвы не пропали даром: свои благородные мечты и свой опыт они завещали грядущему поколению борцов, вооруженных теорией научного социализма.

Во второй части книги рассказывается о том, как русская революционная мысль, долго и мучительно искавшая правильных путей освобождения своей страны от гнета царизма помещиков и капиталистов, пришла к марксизму; как возникли и действовали первые марксистские кружки и группы, преодолевшие трудный барьер народнической идеологии и составившие так называемый «утробный период» в истории подготовки РСДРП — пролетарской партии нового типа.

Переход от народничества к марксизму был нелегким. В течение примерно четверти века революционеры-народники вели неравную, но самоотверженную борьбу против царизма и крепостничества, заслужив тем самым признание лучших умов человечества. Поэтому идейный разрыв с народничеством требовал не только глубокой убежденности в правоте марксизма, но также большой личной выдержки. Все эти качества были присущи пионерам марксизма в России.

Возникновение российской социал-демократии как идейного течения ускорило наступление пролетарской фазы освободительной борьбы: были созданы необходимые условия для соединения научного социализма с рабочим движением, начавшегося с середины 90-х годов прошлого века. Краткие сведения об этом новом этапе в развитии теории марксизма, всецело связанном с именем В. И. Ленина, читатель найдет в заключении.

Само собой разумеется, что настоящее издание не претендует на специальное исследование указанных проблем. Давая изложение основных вопросов темы, автор опирался на результаты, достигнутые в этой области знания многими советскими исследователями. При освещении фактического материала он исходил из важнейших оценок и положений, содержащихся в трудах В. И. Ленина, а также из учета всего положительного опыта марксистско-ленинской исторической науки.

Сравнительно небольшой объем книги не позволил дать развернутый анализ некоторых важных сторон истории революционного народничества в России и переходного периода от народничества к марксизму. Поэтому читателя, заинтересованного в более подробном изучении затронутых проблем, мы отсылаем к библиографии источников и литературы, которая публикуется в конце книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАРОДНИКИ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИКИ МАРКСИЗМА В РОССИИ

Марксизм как наука глубоко и всесторонне отражает объективные закономерности жизни общества. Его корни лежат в существующих экономических отношениях людей. Вместе с тем марксизм, по определению Энгельса, исходит из «идейного материала», накопленного всем предшествующим развитием человечества.

Одним из важнейших исторических источников марксизма является утопический социализм. На протяжении ряда столетий (с XVI по XIX в.) утопический социализм служил выражением стихийного протеста крестьянских масс как против старого феодального гнета, так и против ужасов грядущего капитала. Русскую разновидность утопического социализма представляли революционные народники, сыгравшие крупную роль в развитии освободительного движения допролетарской эпохи.

Вот почему наша Коммунистическая партия, возникшая на прочной базе марксизма-ленинизма, явилась законной преемницей революционных традиций прошлого. Она вобрала в себя все лучшее, что было достигнуто социалистами и демократами на протяжении XIX столетия. «...Мы восприняли в свое движение, — писал Ленин, — не только непреклонно революционную теорию, выработанную вековым развитием европейской мысли, но и революционную энергию и революционный опыт, завещанные нам нашими западноевропейскими и русскими предшественниками...»[1].

Проблеме предшественников марксизма в России Ленин уделял особое внимание. В целом ряде ленинских работ, написанных в разное время, подчеркивается значение предшествующего опыта

[1]. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (далее — ПСС), т. 5, стр. 335.

социализма и демократии для строительства марксистской партии российского пролетариата. Этот опыт включает в себя основные итоги развития социалистического движения на Западе и революционно-демократического движения в России.

К русским предшественникам марксизма Ленин относил прежде всего Герцена, Белинского, Чернышевского и блестящую плеяду революционеров 70-х годов. Революционные демократы, или, как они позднее называли себя, народники, были представителями сравнительно широкого слоя непривилегированной разночинной интеллигенции, выходцами из мелкопоместной, крестьянской и мелкобуржуазной среды. Идеология революционных народников, облаченная в социалистические формы (утопический социализм), отражала реальные интересы широких масс крестьянства, их стихийный протест против гнета крепостников-помещиков и нараставшей капиталистической кабалы.

Революционное народничество занимало ведущее место в освободительном движении России первых пореформенных десятилетий. Его программа была рассчитана на то, чтобы поднять крестьян на революцию и превратить сельскую общину в исходный пункт социалистических преобразований. Органическая слитность идей социализма и демократизма стимулировала практическую деятельность революционеров-разночинцев, воодушевляла их на борьбу против царизма и всех остатков крепостничества.

В. И. Ленин вскрыл тесную идейную связь русского народнического социализма с утопическим социализмом, предшествовавшим марксизму и социал-демократии в странах Запада. Западноевропейские утопические системы, родственные нашему народничеству, также покоились на идеалистическом понимании основ исторического процесса: стремясь оградить мелкого производителя от тяжелого социального гнета и эксплуатации, они прикрывали классовый характер различных буржуазно-демократических требований псевдосоциалистическими теориями. «...Утопический социализм, — отмечал Ленин, — не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу,* которая способна стать творцом нового общества»[1].

Однако русским социалистам-утопистам были присущи и свои специфические черты и особенности. Важная особенность состояла в том, что народнический социализм возник и развился значительно позднее западноевропейского. К середине XIX столетия социальные противоречия в России, как и на Западе, достигли наибольшей остроты. Именно это обстоятельство определило сравнительно высо-

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 46.

кий уровень общественно-политических взглядов наших революционеров-демократов 60-х и 70-х годов, обусловило их воинствующую непримиримость и последовательность в борьбе против самодержавно-помещичьего строя.

С другой стороны, в России с ее преобладающим сельским населением народничество носило преимущественно аграрно-крестьянский характер. Не случайно на эту черту русского утопического социализма нередко ссылались и сами народники. «История,— писали землевольцы в своем печатном органе,— поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинули вовсе, заменив его вопросом аграрным»[1].

В данном случае землевольцы не были оригинальны, Они повторяли лишь то, что задолго до них высказывали родоначальники народничества. «Вопрос о земледельческом быте, — указывал Чернышевский, — важнейший для России, которая очень надолго останется государством по преимуществу земледельческим, так что судьба нашего племени долго еще — целые века — будет зависеть, как зависит теперь от сельскохозяйственного производства»[2].

«Аграрный социализм» русских революционных народников, требовавших экспроприации помещичьих земель и уравнительного землепользования для крестьян, на деле представлял собой программу буржуазно-демократического переворота. Тем самым он выражал самые насущные потребности социально-экономического развития России, находившейся на переломе от крепостного строя к капиталистическому.

Как известно, народническое революционно-демократическое движение в России было ограничено определенными историческими рамками. Возникнув в обстановке падения крепостного права, оно продолжалось до того момента, когда пореформенное экономическое развитие страны и рост рабочего класса создали почву для появления марксизма. Уже в первой половине 80-х годов начался идейный кризис старого народничества, его эволюция от крестьянской революционности к мещанско-буржуазному радикализму.

В. И. Ленин проводил глубокую грань между революционным и либеральным народничеством. Он убедительно показал, что в то время, как первое выражало идеологию крестьянской демократии, второе представляло интересы зажиточной части деревни, склонной к сделкам с реакцией. Ленин считал в корне ошибочным утверждение Струве, характеризовавшего все русское народничест-

[1] «Земля и воля», 1878, № 1, 25 октября.

[2] Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. 1. М., 1948, стр 108.

во (и революционное, и либеральное) как «национальный социализм». Он подчеркивал в этой связи: «Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский» — по отношению к старому русскому народничеству и «мещанский» — по отношению к современному»[1], т. е. либеральному.

Сам термин «мещанский социализм». Ленин употреблял не в бытовом, а в политико-экономическом смысле слова. Он исходил из того, что между мелким производителем, работающим преимущественно на помещика, и мелким производителем, хозяйничающим в системе товарного производства, лежит целая пропасть. **Если революционные народники выражали интересы еще не расколовшегося крестьянства, сжатого тисками крепостников-помещиков и поэтому способного на решительную борьбу с ними, то либеральные народники являлись защитниками зажиточных крестьян-кулаков, заинтересованных лишь в частичных реформах и послаблениях со стороны правительства.** Именно эта существенная перемена, происшедшая в экономике пореформенной деревни, позволила Ленину отличать революционную идеологию крестьянства от мещанской идеологии мелкой буржуазии[2].

Идейный кризис и перерождение революционного народничества в либеральное отразили сложный процесс расслоения крестьянства на две социальные группы, показали его неспособность как класса к самостоятельной политической роли в освободительной борьбе. Программа «мирного реформаторства», выдвинутая либеральными народниками, была попыткой отвлечь крестьян от революции, сделать их послушным оружием в руках умеренной буржуазии. В этих условиях защита подлинных интересов крестьянских масс ложилась на плечи пролетариата в складывающейся марксистской партии в России.

Либеральные народники были идеологами мелкой, по преимуществу крестьянской буржуазии. Борьба с ними предстояла упорная и длительная. Требуя решительного разрыва с буржуазно-мещанскими идеями народничества, Ленин указывал на двойственную природу крестьянства, на его прогрессивную и консервативную стороны. Весь вопрос заключался в том, как относиться пролетариату к мелкой буржуазии и ее программам? Данный класс, писал Владимир Ильич, «является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 413.
[2] См. там же, стр. 414.

общее развитие страны в буржуазном направлении»[1]. Это ленинское положение составило прочную основу политики пролетарской партии по отношению к крестьянству на демократическом и социалистическом этапах революции.

Исторический опыт русской революционной демократии допролетарского этапа освободительного движения имеет большое познавательное и воспитательное значения. Хотя героическая деятельность революционеров-демократов не достигла намеченной цели — освобождения крестьянских масс от гнета помещиков и самодержавия она во многом способствовала наступлению новой, пролетарской фазы освободительной борьбы. Это был смелый и трудный поиск правильной теории общественного развития, завершившийся победой марксизма над народническими утопиями своих предшественников.

1. Предпосылки разночинского освободительного движения в России. Герцен, Чернышевский и начало революционной деятельности народников

История освободительного движения в России разделяется на три главных периода: 1) дворянский (примерно с 1825 по 1861 г.); 2) разночинский, или буржуазно-демократический (приблизительно с 1861 по 1895 г.); 3) пролетарский — с 1895 г[2].

Своими истоками освободительная борьба русского народа восходит к А. Н. Радищеву и декабристам. То были первые революционеры на Руси, революционеры-одиночки, выходцы из дворянской среды. Декабристы, поднявшиеся на вооруженное восстание против самодержавно-крепостнического строя, не имели опоры в массах. Они рассчитывали осуществить свой идеал во имя освобождения народа без его участия, при помощи одной лишь вооруженной силы. Однако их надежды не оправдались. Царское самодержавие оказалось достаточно мощным, чтобы сломить военную организацию декабристов и нанести ей поражение. «Узок круг этих революционеров, — писал Ленин. — Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»[3].

Революционная агитация Герцена способствовала появлению нового поколения борцов за народное дело. В конце 50-х — начале 60-х годов прошлого века русское освободительное движение перерастает узкие рамки дворянской революционности, наполня-

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 298.
[2] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 93.
[3] В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 261.

ется свежими соками. На смену дворянскому революционеру приходит разночинец — представитель сравнительно широкого слоя непривелигированной демократической интеллигенции. Приток свежих сил поднимает освободительную борьбу на более высокую ступень.

Важной особенностью второго периода освободительного движения в России (1861—1895 гг.) было значительное расширение социальной базы революции, пробуждение к жизни новой энергии и духовной силы человека. «Падение крепостного права, — указывал Ленин, — вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»[1].

Основная объективная причина, обусловившая возникновение и развитие разночинского революционно-демократического движения, заключалась в дальнейшем обострении конфликта между старой системой производственных отношений и ее производительными силами. Эти силы все более втягивались в круговорот капиталистического развития, которое шаг за шагом расшатывало экономические устои самодержавно-помещичьего строя, рушило отжившие свой век формы хозяйства.

Сила экономического развития и массовые крестьянские волнения, нараставшие в стране, «убедили» царское правительство в необходимости произвести отмену крепостного права, дать десяткам миллионов изнуренного вековой нуждой подневольного крестьянства «личную свободу» от феодальной зависимости. Реформу 1861 г. Ленин рассматривал как шаг вперед по пути превращения феодальной России в буржуазную монархию[2].

Царь и его слуги проявили поразительную изворотливость, чтобы сделать «крестьянскую» реформу максимально выгодной для помещиков. Крестьяне были освобождены не только от крепостной неволи, но и от значительной части принадлежавших им ранее земель. Только по девяти губерниям центральной России у крестьян в пользу помещиков было отнято около 1500 тыс. десятин лучшей земли. В результате реформы общий размер всех крестьянских наделов сократился более чем на 70%. За землю, оставшуюся у крестьян, последние должны были уплатить почти вдвое дороже ее рыночной стоимости (867 млн. рублей вместо 544 млн.[3]). Этот выкуп

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 94.
[2] См.. В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 173.
[3] См.. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, М., 1964, стр. 5.

был грандиозным грабежом крестьян, своеобразной формой «средневекового оброка»[1].

Однако при всей своей урезанности и половинчатости реформа 1861 г. снимала многие крепостнические преграды, тормозившие развитие капитализма в России. Пореформенная деревня становилась неиссякаемым источником дешевой рабочей силы для капиталистической промышленности. За четверть века — с 1866 по 1890 г. — количество фабрик и заводов в стране увеличилось более чем в два раза. Вместе с тем быстро росла численность рабочего класса. Если в 1865 г. на предприятиях крупной обрабатывающей и горнозаводской промышленности насчитывалось 674 тыс. рабочих, то в 1879 г. их было уже около миллиона[2].

Пролетариат России подвергался самой жестокой эксплуатации. Продолжительность рабочего дня, работа женщин и детей, санитарно-гигиенические условия труда законом не регулировались и были всецело предоставлены произволу фабрикантов. Заработная плата не достигала прожиточного минимума и еще более урезывалась штрафами, а также принудительной продажей продуктов по высоким ценам из фабричных лавок. Все это обеспечивало огромные прибыли заводчиков и фабрикантов. В 1873—1875 и 1881—1882 гг. русская промышленность впервые была серьезно задета общеевропейскими экономическими кризисами, что повлекло за собой сокращение части предприятий и массовую безработицу.

С падением крепостного права Россия вступила в новый период своей истории. На смену феодализму неудержимо шел капитализм. Он развивался на не очищенной от феодализма почве. Многочисленные остатки феодально-крепостнической системы в громадной степени тормозили рост производительных сил и порождали тяжелые муки для трудящихся. Несмотря на то что помещики с лихвой получили за свои земли выкуп от государства, они еще продолжали считаться собственниками крестьянских наделов впредь до заключения специального акта между ними и крестьянами — выкупной сделки. В 1864 г. временнообязанные составляли 80% всех помещичьих крестьян внутренних губерний России, в 1870 г. — не менее половины.

И все же, как ни велики были остатки крепостного права, не они уже определяли направление развития пореформенной деревни. По мере того, как крестьянин освобождался от зависимости помещика, он втягивался в круговорот новых, капиталистических отношений. Сельское хозяйство превращалось из натурального в товарное, отдельные районы страны специализировались на производстве

[1] См.. В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 97
[2] См.. В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 97.

преимущественно одного продукта для рынка (хлеба, льна, сахарной свеклы).

Развитие товарного производства в сельском хозяйстве порождало капиталистические отношения и влекло за собой классовое расслоение деревни. Крестьянство «размывалось»: выделялась буржуазия на одном полюсе, беднота — на другом. Усилился процесс капиталистической экспроприации массы мелких производителей.

Этот путь развития сельского хозяйства России, обусловленный реформой 1861 г., был исключительно тяжелым и мучительным. По исторической аналогии он был назван Лениным «прусским». Такой путь означал сохранение царской монархии и привилегий помещиков. Помещичьи имения постепенно превращались в капиталистические предприятия, а крестьянство обрекалось на медленную пролетаризацию и пауперизацию, с выделением узкой прослойки сельской буржуазии. В этих условиях развитие капитализма — не только в деревне, но и во всем народном хозяйстве — совершалось ценой особенно хищнической растраты человеческих и иных материальных ресурсов, ценой сохранения отсталости страны и ее растущей зависимости от иностранного капитала.

Борьбу за «прусский путь» развития вел реакционный лагерь, куда входили крепостники-помещики, крупные правительственные чиновники, а также горстка промышленных и финансовых воротил. Реакционеры стремились любой ценой предотвратить нарастание крестьянской революции в стране, проводили изуверскую политику «кнута и пряника», т. е. жестоких репрессий против революционеров и мелких, грошовых уступок трудящимся. Правительственный лагерь располагал мощными политическими и экономическими силами, противостоящими лагерю крестьянской демократии.

Объективно позиция царского самодержавия усиливалась поведением либерально-монархической буржуазии, занимавшей промежуточное положение между демократией и крепостничеством. Либерально-монархический буржуазный центр, как определял Ленин эту третью политическую силу эпохи падения крепостного права[1], ставил перед собой ограниченные цели: достижение конституционных реформ при сохранении основ существующего монархического строя. Буржуазные либералы больше всего боялись размаха революционного движения и всегда выступали только за «законные» формы борьбы.

Антидемократическая позиция либерально-монархической буржуазии представляла тем большую опасность, что в России существовала реальная возможность другого пути социально-экономического развития — пути крестьянской революции, ликвидирующей старое средневековое землевладение и всю систему феодальных пережитков, включая монархию. Непосредственным экономическим результатом развития по этому пути, условно названному Лениным «американским», были бы радикальная расчистка почвы для капитализма, разрушение остатков патриархального быта и быстрое расслоение крестьянства. В тех исторических условиях «американский» путь был бы менее тяжелым для народных масс, а главное — он в максимальной степени развязал бы инициативу, революционную самодеятельность трудящихся и в наибольшей мере двигал бы вперед общественный прогресс[1].

Возможности «американского» пути развития коренились в экономической структуре пореформенной деревни; они имелись «во *всех* местностях, где существует рядом помещичье и крестьянское хозяйство»[2]. Но победа этого пути зависела от соотношения классовых сил и результатов классовой борьбы. Общественной силой, непосредственно заинтересованной в уничтожении всех остатков самодержавно-помещичьего строя в России, являлось полукрепостное крестьянство. Несколько позднее на арену политической жизни вышла новая могучая общественная сила, которая могла оказать и действительно оказала решающее воздействие на ход и исход сражения между крестьянской демократией и дворянско-помещичьей реакцией. Речь идет о пролетариате, возглавившем успешную борьбу трудящихся города и деревни за демократию и социализм.

До появления же на политической арене рабочего класса борьбу против крепостников-помещиков вели революционные народники, выражавшие интересы широких крестьянских масс. Их деятельность обуславливалась наличием определенных производственных отношений, сложившихся в России эпохи падения крепостного права и первых пореформенных десятилетий. Преобладавшее в стране мелкотоварное производство находилось в тисках самодержавно-помещичьего строя. Вместе с тем оно противостояло не только многочисленным пережиткам крепостничества, но и наступлению капитализма. Это противоречивое положение мелкотоварного крестьянского хозяйства создавало реальную почву, на которой возник и развился народнический социализм.

В. И. Ленин глубоко вскрыл социальные и гносеологические

[1] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 213—220.

[1] Говоря об «американском» пути развития, Ленин имел в виду создание мелкого фермерского хозяйства на «свободной земле» — то, что в США явилось результатом поражения латифундистов-рабовладельцев в гражданской войне и капиталистического освоения громадного земельного запаса в центральных и западных штатах.

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 218.

корни старого, революционного народничества. Ему принадлежит классическая характеристика взглядов народников как цельной системы утопического социализма. Согласно этой характеристике, основная суть народнического учения сводилась к трем следующим положениям: во-первых, признание капитализма в России упадком, регрессом, во-вторых, вера в самобытность русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной в частности; в-третьих, отрицание связи интеллигенции и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных классов[1].

Теоретические взгляды революционного народничества складывались на протяжении ряда десятилетий. Зачатки этих взглядов содержались еще в русской демократической литературе 40—50-х годов в трудах Белинского и молодого Герцена. С именами Белинского и Герцена Ленин связывал начало поиска правильной революционной теории для уничтожения самодержавно-крепостнического строя в России и установления социального равенства между людьми. Гневное и сильное слово поборников социальной справедливости и народной свободы пробивалось сквозь рогатки царской цензуры, звучало со страниц подпольных воззваний.

Все литературное творчество Белинского было проникнуто жгучей ненавистью к самодержавию и духовно вооружало передовую часть интеллигенции своего времени на беззаветную борьбу за освобождение русского народа от крепостного рабства. Написанное Белинским в 1847 г. и тайно распространявшееся в России знаменитое письмо к Гоголю Ленин назвал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»[2].

Поражение революций 1848—1849 гг. на Западе повлекло за собой усиление репрессий и в России. Прогрессивная литература и подпольная революционная пропаганда пережила полосу жестокого безвременья. Но уже в начале 50-х годов Герценом была создана вольная русская пресса за границей. Вслед за «Полярной звездой» появился герценовский «Колокол», который на протяжении целого десятилетия клеймил позором крепостников, горячо призывал к свержению самодержавия и освобождению крестьян. «Колокол» был первым революционно-демократическим журналом в России; он распространялся в различных слоях русского общества и имел тесную связь с революционным подпольем.

Сам Герцен (1812—1870 гг.) принадлежал к поколению дворянских революционеров. Однако, будучи глубоким и оригинальным

[1] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 2, стр. 528—529.
[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 94.

мыслителем, он пошел дальше декабристов, стал одним из духовных вождей русской революционной демократии и основоположников народничества.

А. И. Герцен был социалистом-утопистом. Он, как отмечал Ленин, не мог постичь буржуазной природы грядущей революции в России и видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю»[1]. В этом учении Герцена, подчеркивал далее Ленин, нет ни грана подлинного социализма.

А. И. Герцен первым среди русских социалистов домарксистского периода поставил вопрос о крестьянской общине как отправном пункте социализма. Буржуазная Западная Европа, по наблюдениям Герцена, оказалась неспособной ввести у себя социалистические преобразования: путь к социализму здесь закрывают власть имущие, частная собственность и слабость революционных сил. Россия же, свободная от «ужасов капитализма», может легче и безболезненнее перейти к социализму. Залогом такого перехода здесь служила, по мнению Герцена, сельская община с равенством всех ее членов и местным самоуправлением. Отсюда человеком будущего в России Герцен считал мужика, т. е. крестьянина, а во Франции — работника, т. е. пролетария.

Считая русскую общину исходным пунктом коренного переустройства общественной жизни на базе социализма, Герцен мечтал о ее освобождении от оков крепостничества и самодержавия. Такое освобождение, по Герцену, могло произойти посредством крестьянской социалистической революции. «Вполне возможно,— писал он,— что от какого-нибудь скита (раскольнической общины) начнется народное движение, конечно, национального и коммунистического характера; оно охватит затем целые области и пойдет навстречу другому движению, источником которого являются революционные идеи Европы»[2].

Почти вся революционная деятельность Герцена протекала в эмиграции. Отсутствие тесных связей с Россией, особенно после поражения революций 1848—1849 гг. на Западе, вызвало духовный кризис Герцена, поколебало его веру в силу народных масс. Именно этим можно объяснить появление на страницах «Колокола» ряда писем, обращенных к Александру II, с требованием «мирных» социальных реформ. Но либеральные колебания Герцена были лишь эпизодом в его подвижнической жизни. Главное в деятельности Герцена — это революционная борьба против царского самодержавия и крепостников-помещиков за политическое освобождение России и

[1] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 257.
[2] А. И. Герцен. Соч., т. XII, стр. 185.

утверждение утопических идеалов крестьянского общинного социализма. В. И. Ленин указывал, что «при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»[1].

Общепризнанным идеологом и вождем освободительного движения в России разночинского периода был Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889 гг.). Ему принадлежит главная заслуга в обосновании революционной крестьянской демократии и разработке теоретических основ народнического социализма.

Н. Г. Чернышевский выступил как последователь и продолжатель учения Герцена. Но он, по словам Ленина, «сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»[2].

Будучи выдающимся ученым, философом и экономистом, Чернышевский хорошо понимал неизбежность гибели отживавшего свой век феодально-крепостнического строя и замены его новым, прогрессивным. Более того, само историческое развитие в представлении Чернышевского было «немыслимо без коренной ломки устаревших общественных форм». Крушение старых порядков и победу новых он считал естественным и неизбежным. «Будто может прекратиться развитие новых интересов?» — спрашивал Чернышевский и отвечал: «Нет, они с каждым днем крепнут. А если так — возможно ли сомневаться в окончательном торжестве тех форм, которые требуются новыми интересами»[3].

Для Чернышевского было ясно, что подлинным творцом истории является народ — производитель материальных благ жизни общества. Он подвергал решительной критике неправильные взгляды тех авторов, которые пытались принизить роль народных масс в историческом процессе, показать якобы прогрессирующий упадок их сил и энергии. Народ, отмечал Чернышевский, «только готовится выступить. Главная масса еще не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности»[4].

Глубокая вера в грядущую революцию, свершаемую народом и для народа, характеризовала собой всю научную и литературно-просветительную деятельность Чернышевского. В его исследованиях, статьях и рецензиях в той или иной связи затрагивается самая насущная проблема времени — коренная противоположность интересов кучки богатеев интересам широкой массы бедноты, ставится вопрос о необходимости радикальных социальных и политических изменений в пользу трудящихся. При этом Чернышевский отдавал себе полный отчет в том, что борьба трудового народа «за революционное переустройство общества предстоит суровая и длительная, победа в ней будет достигнута лишь после жестоких схваток с господствующими классами, которые добровольно не уступят свою власть и свои имущественные привилегии»[1]. Неизбежность революционной, классовой борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров — таков главный вывод, который делает Чернышевский из анализа современной ему русской и западноевропейской действительности.

Н. Г. Чернышевский убедительно показал, что освобождение крестьян от крепостной зависимости придет не от царя и помещиков,— оно может быть завоевано только борьбой самих народных масс. Конкретная социально-политическая программа Чернышевского и его последователей требовала полного уничтожения крепостного права в России и передачи всей земли крестьянам без всякого выкупа; она была рассчитана на свержение царского самодержавия посредством крестьянской революции.

В своих подпольных изданиях (например, в прокламациях «Великорус», «Молодая Россия», «К барским крестьянам» и др.) Чернышевский и его соратники разоблачали «дарованную» помещичьим царем Александром II реформу 1861 г., как явный обман народа и новую попытку закабалить крестьян. Они подвергали уничтожающей критике коренные устои самодержавно-помещичьего строя и намечали задачи революционной борьбы крестьян за подлинное освобождение. В прокламации «Молодая Россия», выпущенной в 1862 г., подчеркивалось, что русский народ вступил в революционный период своего существования. «Мы требуем,— говорилось в ней,— изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки национального и областных собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области,— этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос. Каждая область должна состоять из земледельческих общин, все члены которой пользуются одинаковыми правами»[2].

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 259.
[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 94.
[3] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 394.
[4] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 666.

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 833.
[2] Г. А. Куклин. Итоги революционного движения в России. за сорок лет. Женева, 1913, стр. 2—3.

Будущее административно-государственное устройство свободной России основоположники революционного народничества неизменно связывали с крестьянской общиной, в которой они видели зародыш и базу социализма. Сохранившееся от прошлого общинное владение землей Чернышевский считал одним из важнейших преимуществ России перед Западной Европой. Возражая буржуазным экономистам, считавшим «право общинного землепользования» серьезным препятствием на пути подъема сельского хозяйства, Чернышевский в свою очередь критиковал их «принцип безграничной (т. е. частной, — *А. К.*) собственности» на землю. «Принять его нам,— писал он в известной статье «О поземельной собственности»,— было бы вдвойне пагубно: он не только помешал бы верному направлению нашего собственного производства (как мешает на Западе) — он возбудил бы нас к разрушению благотворного учреждения, завещанного нам веками»[1]. Именно таким «благотворным» учреждением в России была в представлении Чернышевского сельская община.

Ратуя за сохранение и развитие общинного землепользования, Чернышевский рассматривал эту проблему в широкой исторической перспективе. Он полагал, что история развивается по линии обобществления средств производства и концентрации общественной собственности, которая еще существует «в могущественном народном обычае нашего сельского быта»[2]. Что же касается народов капиталистического Запада, то они уже прошли этот рубеж и находятся во власти рокового закона частнособственнической конкуренции и расширяющейся «язвы пролетариата». Отсюда крестьянство России с его извечным общинным правом на землю стоит ближе к социализму, чем народы Западной Европы.

Верно, Чернышевский не идеализировал русского крестьянина — общинника, считая его «самобытным» носителем идеи социализма, как это делал Герцен, но он твердо верил, что путь России от феодально-крепостного строя к социализму лежит через крестьянскую общину. «Чернышевский,— писал Ленин,— был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма[3].

Таким образом, Чернышевский вслед за Герценом признавал возможным для России некапиталистического пути развития, то есть непосредственного перехода от феодализма к социализму. Отсюда проистекала теория «исключительности» русского исторического процесса, которая, однако, сложилась не сразу. В трудах Чернышевского мы не находим прямого противопоставления России Западу, но в них нет также и признания за капитализмом перспектив на будущее.

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 746.
[2] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 743.
[3] В. И. Ленин. ПСС, стр. 175.

Русский утопический социализм, основанный Герценом и Чернышевским, был громадным шагом вперед во всей домарксистской общественной мысли. Ни один из западноевропейских социалистов-утопистов не стоял так близко к научному социализму и не выразил с такой последовательностью и полнотой назревшие потребности социально-политического развития, как родоначальники народничества. Основным звеном в созданной ими системе народнического социализма явилось учение о сельской общине, которая противопоставлялась как крепостничеству, так и капитализму. «Теория общинного социализма,— говорится в первом томе «Истории КПСС»,— была своеобразной попыткой использовать исторически сложившиеся формы организации народной жизни для того, чтобы, с одной стороны, поднять крестьянство на революцию, а, с другой — удержать существующие в общине уравнительные начала до того момента, когда победившая революция широко введет в жизнь новые, социалистические принципы»[1].

Было бы неправильно полагать, что основоположники русского народничества, особенно Чернышевский, рассматривали общину в качестве идеальной формы будущего социалистического общества. Нет, они хорошо видели и отрицательные стороны «крестьянского мира» (его невежество, принижение личности, гнет патриархальщины). Однако не понятый и не принятый ими опыт буржуазного Запада привел их к убеждению, что при определенных условиях община смогла бы сыграть свою положительную роль как исходный пункт прямого перехода к социализму.

Выдвинутая родоначальниками русского народничества проблема общинного социализма, то есть особого, некапиталистического пути развития страны к социализму, вызвала живой интерес среди революционеров всего мира. Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно высказывались по поводу этой проблемы, указывая на возможность двух исходов развития общины — капиталистического и социалистического. Так, в известном «Письме в редакцию «Отечественных записок» Маркс писал: «Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по

[1] «История КПСС», т. 1, стр. 34.

тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя»[1].

Основоположники научного коммунизма решительно возражали против попыток рассматривать русскую общину вне конкретных исторических и социально-экономических условий ее развития. Не располагая достаточным материалом для окончательных выводов о судьбах общинного землепользования, они вовсе не исключали возможности перехода России к социализму, минуя капитализм. Однако такой переход, отмечал Энгельс, будет зависеть не только от внутренних, но и от внешних факторов. «...Это может произойти,— писал он,— лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода,— в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия»[2].

Таким образом, Маркс и Энгельс признавали, что при определенных благоприятных условиях русская община могла сыграть свою положительную роль как средство, облегчающее переход от докапиталистического строя к социалистическому. Это признание делало честь теоретикам революционного народничества, которые по-своему ставили вопрос о возможности некапиталистического пути к социализму.

Конечно, для того времени перспектива «некапиталистического развития» была крайне проблематична и, как показал последующий опыт, утопична. Естественно, что для русских революционеров 60-х и 70-х годов она казалась вполне реальной и осуществимой. И все же осторожность, с какой Маркс и Энгельс относились к судьбам русской общины, имела свое историческое оправдание. Нет нужды доказывать, что современная действительность полностью подтвердила предвидение основоположников марксизма о возможности некапиталистического пути для слаборазвитых стран к социализму.

С другой стороны, подтвердились и те опасения относительно быстрого процесса капиталистического разложения крестьянской общины в России, которые Маркс и Энгельс многократно высказывали русским революционным деятелям. Не делая категорического

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 119.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 546.

вывода о неизбежной победе капитализма в России, они тем не менее уже выделяли ее из числа стран с отсталым докапиталистическим способом производства. В первой половине 90-х годов, еще до бурного промышленного подъема, Энгельс писал о том, что «идет во все более ускоряющемся темпе превращение России в капиталистически-промышленную страну, пролетаризация значительной части крестьян и разрушение старой коммунистической общины»[1].

Однако успехи капитализма в России сами по себе не могли опровергнуть народнической теории общинного социализма. Наивная вера в общину как источник социалистического обновления страны еще долго владела умами передовой части разночинской интеллигенции. Понадобились многие годы упорной борьбы марксизма с народничеством, чтобы расчистить почву для создания идейно-теоретических предпосылок рабочего движения в России.

Народническая идеология причудливо воплощала в себе два противоположных начала: социалистическую утопию и идею крестьянской демократии. Эта противоречивость народничества явилась данью социально-политической отсталости России, а также отражением того исторического факта, что русское буржуазно-демократическое движение развертывалось после победы капитализма в передовых странах Запада. Бурное развитие капиталистических отношений в странах Западной Европы, сопровождавшееся разорением крестьянских масс и усилением эксплуатации фабрично-заводского пролетариата, русские народники использовали как дополнительный аргумент в пользу своей теории некапиталистического пути. Согласно этой теории, социалистический переворот одним махом избавляет угнетенные народные массы как от гнета крепостников-помещиков, так и от капиталистической кабалы. Социалистический идеал теоретиков народничества беспочвен, утопичен, но он выражает реальные интересы преобладавшего в пореформенной России «класса мелких производителей» и служит средством широких буржуазно-демократических преобразований. «Ложный в формально-экономическом смысле,— писал Ленин,— народнический *демократизм* есть истина в *историческом* смысле; ложный в качестве социалистической утопии *этот* демократизм есть *истина* той своеобразной исторически обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы»[2].

Ленинская оценка народнического демократизма опирается на действительные факты и события прошлого. Через всю историю

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 452.
[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 22. стр. 120.

второго этапа освободительного движения в России, начиная от первых землевольцев и кончая народовольцами, проходит самоотверженная борьба героев-разночинцев против царизма и крепостничества за интересы трудового крестьянства. Характерно, что в этой борьбе основоположники и теоретики народничества выступают в роли практических вождей революционного движения.

Главным идейным центром революционных демократов начала 60-х годов был журнал «Современник», во главе которого стояли Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и Н. А. Некрасов: Журнал систематически, из номера в номер бичевал явных и скрытых сторонников крепостного права, разоблачал кабальную сущность реформы 1861 г. и маневры ее организаторов, последовательно защищал интересы широких крестьянских масс. С особой силой обрушивался «Современник» на либералов, защищавших под разными благовидными предлогами интересы угнетателей. На боевых демократических, антикрепостнических и антилиберальных идеях «Современника» воспитывалось не одно поколение русских революционеров.

Излагавшаяся на страницах «Современника» и особенно в нелегальной печати программа революционной демократии требовала полного уничтожения крепостного права в России и передачи земли крестьянам без всякого выкупа. Она была рассчитана на свержение самодержавно-помещичьего строя посредством насильственной крестьянской революции.

После некоторых либеральных колебаний А. И. Герцена и Н. П. Огарева, вызванных наивной верой в возможность «мирного» упразднения крепостничества, вновь в полную силу голоса зазвучал герценовский «Колокол». Он звал крестьян к отпору крепостникам, а демократическую молодежь к революционному действию. Журнал писал о начавшемся прибое морской волны, которая «закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля». «В народ, к народу!» — призывал «Колокол» молодых штурманов будущей бури.

Призывы «Колокола» и «Современника» находили горячий отклик среди разночинской интеллигенции. Лондонский и Петербургский революционные центры постепенно завоевывали на свою сторону демократические силы всей России, в том числе ее национальных окраин. К активным деятелям освободительного движения эпохи падения крепостного права принадлежали Тарас Шевченко, Зигмунд Сераковский, Кастусь Калиновский, Антанас Мацкявичус, Петр Балод, Нико Николадзе, Мирза Фаталы Ахундов, Микаэл Налбандян и многие другие.

В конце 1861 г. в Петербурге было создано первое тайное об-

[1] А. И. Герцен: Соч., т: XV, стр. 175.

щество революционных демократов под названием «Земля и воля». В подготовке этого общества, наряду с Чернышевским и его петербургскими друзьями (братьями Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичами, А. А. Слепцовым, Н. И. Утиным и др.), приняли участие Герцен и Огарев. Появление «Земли и воли» свидетельствовало о сравнительно высоком уровне и широком размахе демократического движения в стране. «Мы достоверно знаем, — писал «Колокол», — что столичные и областные круги соединились между собой и с офицерскими комитетами — сомкнулись в одно общество. Общество это приняло название «Земля и воля». Во имя этого названия оно победит»[1].

Эти строки «Колокола» отражали реальную действительность. Находившийся тогда в Петербурге нелегальный руководящий центр «Земли и воли» был связан с рядом провинциальных революционных групп и в известной мере направлял их деятельность. Основным содержанием идейно-теоретической платформы общества «Земля и воля» был утопический общинный социализм, сочетавшийся с идеей крестьянской революции и всенародного вооруженного восстания. Уже в теории и в практике землевольческой организации 60-х годов глубоко проявилась социально-политическая сущность всего русского революционного народничества[2].

Первая «Земля и воля» просуществовала недолго (с 1861 по 1864 г.), но она оставила заметный след в истории. Ее руководители стремились объединить революционно-освободительное движение в общероссийском масштабе и принимали в нем непосредственное участие. Один из активных деятелей «Земли и воли» Андрей Потебня возглавлял вооруженную борьбу членов тайного общества, сражавшихся на стороне польских повстанцев против карательных частей царской армии. Из рядов «Земли и воли» вышли потом организаторы и участники русской секции I Интернационала.

2. Теория и практика действенного народничества

Наступление реакции, вызванное спадом революционной ситуации 1859—1861 гг., на время ослабляет ряды участников освободительного движения в России, дезорганизует его силы. Однако вера в крестьянскую революцию, призванную осуществить социалистический идеал, не угасает. Напротив, новое поколение революционеров-разночинцев продолжает и множит традиции своих предшественников, стремится сблизиться с народными массами и возглавить

[1] «Колокол», 1863, № 157.

[2] См.. Н. Я. Линков. Революционная борьба А. И. Герцена и П. Н. Огарева и «Земля и воля» 60-х годов. М., 1964, стр. 466 — 467.

их борьбу. Народничество становится господствующим направлением в освободительном движении.

Большое влияние на дальнейшее развитие революционных событий в России оказали успехи рабочего движения в Западной Европе, особенно победа Парижской коммуны. Некоторые русские революционеры-народники, эмигрировавшие за границу, приняли живое участие в выступлениях западноевропейского пролетариата, установили тесную связь с руководителями I Интернационала К. Марксом и Ф. Энгельсом. В начале 1871 г. группа народников во главе с Н. И. Утиным создала в Женеве русскую секцию Интернационала; по просьбе членов этой секции ее представительство в Генеральном Совете взял на себя Маркс. Основоположники научного коммунизма высоко ценили самоотверженную борьбу русских революционеров против царского самодержавия и стремились направить ее «в русло общеевропейского движения пролетариата»[1].

Знакомство с рабочим движением и социалистической мыслью на Западе способствовало переходу революционного народничества в более активную фазу борьбы. Сильно возрос интерес к марксистской литературе. Достаточно сказать, что уже в 1872 г. в России был издан первый том «Капитала». Это был первый перевод гениального труда К. Маркса на иностранный язык. Однако народники, как ни старались, не могли правильно понять главных положений марксизма и тем более применить их на практике. Вековая социально-экономическая отсталость страны, отсутствие в ней сколько-нибудь развитого капитализма и рабочего движения затрудняли их переход от утопического социализма к научному.

Понятно, что в этих условиях народническая доктрина некапиталистического пути развития России не могла подвергнуться серьезным изменениям. Подобно Герцену и Чернышевскому, идеологи так называемого «действенного народничества» были социалистами-утопистами. В основе их взглядов лежала идея крестьянской революции и общинного социализма. Они видели в крестьянской общине зародыш новых общественных отношений, верили в прирожденный инстинкт крестьянской массы как носительницы социалистического идеала. Будущий строй общества представлялся им в виде свободной федерации крестьянских общин, управляемых выборными представителями народа.

Между тем жизнь выдвинула перед народниками 70-х годов новые вопросы. Им предстояло не только определить свое отношение к развивающемуся капитализму в России, но и найти целесообразные пути и средства борьбы с ним. Историческая заслуга революционеров-семидесятников состоит в том, что они не уклонились от поставленных вопросов, а дали на них свой ответ: наступлению капитализма была объявлена беспощадная война во имя того же утопического идеала общинного социализма.

Все ведущие деятели народнического движения хорошо сознавали, что борьба с царизмом и крепостничеством за крестьянскую социалистическую революцию предстояла нелегкой: она требовала громадных жертв, беззаветного мужества и героизма. Но народники 70-х годов были настоящими революционерами и смело вступили в ожесточенную схватку с царским самодержавием «за землю и волю» для широких масс крестьянства, для всех трудящихся России.

Как известно, в понимании конкретных путей и методов борьбы с самодержавием у революционеров-семидесятников не было единогласия. Более того, некоторые видные представители демократического лагеря (например, Писарев, Салтыков-Щедрин) вообще не разделяли идеалистической теории русского общинного социализма, другие склонялись к либерализму и призывали к развитию «положительных начал» реформы 1861 г. Однако в своей подавляющей массе действенное народничество стояло на почве крестьянской социалистической революции. Оно было представлено тремя основными течениями, тесно связанными с именами Лаврова, Бакунина и Ткачева.

С именем П. Л. Лаврова (1823—1900 гг.) связана идея постепенной подготовки революции путем социалистической пропаганды среди серой крестьянской массы. В отличие от бакунистов Лавров не разделял анархистских взглядов на государство и не был сторонником «бунтарской» тактики. В конце 70-х годов он окончательно становится на точку зрения политического переворота и революционного заговора.

П. Л. Лаврову принадлежит разработка теории «неоплатного долга» интеллигенции перед народом, которая явилась своеобразным моральным кодексом революционной молодежи. Согласно этой теории, ответственность за все муки и страдания трудящихся масс лежит не только на тех, кто сознательно совершает зло, но и на тех из «цивилизованного меньшинства», кто ничего не делает, чтобы нести свет знания в темные массы. Наряду с этим Лавров подчеркивал исключительную роль так называемых «критически мыслящих личностей», которые якобы способны творить историю по собственному усмотрению[1].

[1] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 46.

[1] См.: Миртов (П. Л. Лавров). Исторические письма, 1870, стр. 65—77.

Субъективная социология Лаврова не имела никакого исторического оправдания перед наукой; она явилась шагом назад по сравнению с общественными взглядами Герцена и Чернышевского. Однако лавровская идея «неоплатного долга» вдохновляла передовую часть разночинной интеллигенции на революционную борьбу против царизма и крепостничества, побуждала ее идти в народ и отстаивать его интересы. Поэтому Лавров по праву занял видное место в качестве одного из идеологов народнического движения 70-х годов.

В понимании явлений общественной жизни Лавров был эклектиком. Находясь под влиянием Маркса и Энгельса, он пытался соединить марксистскую теорию с субъективным методом в социологии. И все же взгляды основоположников марксизма оказали известное положительное воздействие на Лаврова. Он близко принял идеи I Интернационала и являлся одним из его участников. Созданные и издававшиеся им журнал и газета под одним общим названием «Вперед» (1873—1877 гг.) широко знакомили русских революционеров с рабочим и социалистическим движением на Западе.

М. А. Бакунин (1814—1876 гг.) был отцом русского анархизма. Вслед за Прудоном он отрицал прогрессивную роль любого государства, начиная от абсолютной монархии и кончая демократической республикой. «Славяне, — утверждал Бакунин, — должны искать своего освобождения вне государства, не только в борьбе против немецкого государства, но во всенародном бунте против всякого государства»[1]. Разрушение государства, в какой бы форме оно ни существовало, Бакунин и его сторонники считали высшей целью социальной революции.

Анархизм Бакунина тесно переплетался с утопическим идеалом общинного социализма. В крестьянской общине он видел прообраз будущего «свободного мира», а в крестьянине — бунтаря, всегда готового разрушить господство эксплуататоров и добиться «человеческой справедливости». Эти типично мелкобуржуазные иллюзии Бакунина получили широкое распространение среди революционеров 70-х годов и долго держались в народнической среде.

Бакунизм служил оправданием народнической доктрины одновременного разрешения социалистических и демократических задач, идеи «воздержания» от политики. Анархистская проповедь Бакунина воспринималась многими разночинцами как призыв к немедленному крестьянскому восстанию, которое должно уничтожить самодержавие и водрузить социалистическое царство на земле. В этом проявилась одна из наиболее характерных черт анархизма, порожденного отчаянием мелкобуржуазных слоев населения, неспособных к систематической и организованной классовой борьбе[1].

[1] М. А. Бакунин. Государственность и анархия, 1873, стр. 69.

Революционная биография Бакунина необычайно сложна и противоречива. Бесстрашный борец против самодержавия и всяческого гнета, он принимал личное участие в освободительной войне славянских народов на Балканах, сражался на баррикадах революции 1848 г. в Западной Европе. Правительства ряда стран объявили его врагом № 1, приговорив к тюрьме и виселице. Иная роль принадлежит Бакунину в «Международном товариществе рабочих» — Первом Интернационале. В качестве лидера анархистского направления он возглавил раскольническую деятельность в европейском рабочем движении, интриговал против его руководителей К. Маркса и Ф. Энгельса. Решительное разоблачение и преодоление анархизма-бакунизма явилось непременным условием победы марксизма в странах Европы.

Несмотря на некоторые существенные различия во взглядах, Лавров и Бакунин сходились в главном: они связывали решение задачи революционного ниспровержения царского самодержавия и крепостничества с лозунгом движения в народ, в крестьянство.

Особое место среди теоретиков народнического движения 70-х годов занимал П. Н. Ткачев (1844—1886 гг.), разработавший и пропагандировавший идею «революционного заговора». Исходя из ложного представления о социальной природе царизма, которая якобы «не имеет никаких корней» в русском обществе, он считал, что революционный переворот можно осуществить силами одной социалистической интеллигенции, организованной в партию. «Народ сам по себе, — говорилось в одном из номеров ткачевского журнала «Набат» — не может осуществить социальную революцию. Только мы — революционное меньшинство, можем это сделать — и мы должны это сделать как можно скорее»[2].

П. Н. Ткачев и его немногочисленные сторонники резко критиковали «доктринерские концепции Лаврова и Бакунина, отвергали их крайний субъективизм и идеализацию деревни. Однако «ткачевцы», как и все народники, связывали будущее страны с крестьянством, искренне верили в осуществимость социалистической революции в России до того, как победит капитализм.

Идейная позиция Ткачева была противоречивой. Являясь ярым сторонником революционного заговора и захвата власти политической партией, он в то же время придерживался теории общинного социализма. Более того, в сельской общине Ткачев видел прообраз

[1] См. В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 378.
[2] «Набат», 1876, № 4, стр. 6.

будущего социалистического устройства, а в мужике — общинника, прирожденного коммуниста, всегда готового к революции. «Я и мои единомышленники убеждены, — писал Ткачев Энгельсу, — что осуществление социальной революции в России не представляет никаких затруднений, что в любой момент можно поднять русский народ на всеобщий революционный протест»[1]. Столь упрощенный взгляд на революцию в России был профанацией учения Герцена и Чернышевского.

Как видим, каждый из деятелей народнического движения 70-х годов в той или иной степени эволюционизировал в сторону идеализма и субъективизма. Особенно это проявилось в области философии, где все более утверждались позитивизм и неокантианство. Конечно, такая эволюция революционных народников не была случайной: она обуславливалась как внешними (объективными), так и внутренними (субъективными) причинами.

Развитие капитализма в России за 60—70-е годы продвинулось далеко вперед. Проникновение капиталистических отношений в деревню все более и более подрывало крестьянскую общину, в которой народники продолжали видеть источник социалистического переустройства общества. Наивная вера в общину и страх перед ее разложением породили у революционеров-семидесятников боязнь упустить наиболее подходящее время для свершения революции. Отсюда в идеологии революционного народничества происходит усиление таких черт, как субъективизм, экстремизм и преувеличение роли отдельных личностей.

Конечно, срыв в субъективизм объяснялся не только натиском капитала и прогрессирующим разложением общины. Немаловажное значение имели и личные качества лидеров народнического движения 70-х годов. Отсутствие среди них таких выдающихся мыслителей, как Чернышевский, не могло, разумеется, не сказаться на понижении теоретического уровня движения, а следовательно, на отрицательном решении некоторых новых вопросов, выдвинутых революционной практикой. Не исключено, что анализ социально-экономического и политического развития России двух пореформенных десятилетий позволил бы Чернышевскому оградить народников от крайнего экстремизма и ряда ошибок тактического характера. Но сама народническая доктрина в ее главной сущности не могла измениться сколь-либо существенно, ибо для этого не было соответствующей социально-экономической почвы.

Н. Г. Чернышевский, ближе других русских революционеров-демократов стоявший к научному социализму, давал материалистические объяснения многим явлениям общественной жизни. Идеализм в философии и субъективизм в политике для него были одинаково неприемлемы и чужды. Однако историческая обстановка, в которой пришлось действовать Чернышевскому, не давала еще необходимого материала для понимания решающей роли пролетариата в классовой борьбе. Революционный опыт Запада воспринимался Чернышевским и его последователями через призму своих утопических идей. Реальную силу, способную произвести социалистическое преобразование общества, они ошибочно видели в русском крестьянстве с его общинным землепользованием. Все это обусловило известную «живучесть» теории крестьянского социализма, составившей идейную основу народничества.

К. Маркс и Ф. Энгельс, горячо приветствовавшие революционно-освободительное движение против самодержавно-помещичьего строя в России, не разделяли утопических иллюзий народников. Они открыто осуждали тех деятелей народничества, которые склонялись к либерализму или к анархизму. Однако основное содержание народнического учения с его неизменной верой в крестьянскую общину и возможность прямого перехода России от феодализма к социализму еще не вступило в противоречие с объективными условиями общественного развития и поэтому не являлось главным объектом критики со стороны родоначальников марксизма; оно подлежало суду истории. Да это и понятно. Освобождение русских революционеров от иллюзий народничества не могло произойти до тех пор, пока капитализм и рабочее движение в стране не создали объективных предпосылок для возникновения новой, пролетарской идеологии. Только сама жизнь могла подвергнуть проверке теорию, которая при всей своей утопичности воодушевляла передовую разночинную молодежь на героическую борьбу против крепостничества и самодержавия.

Всю фактическую историю действенного народничества можно условно разделить на два больших периода: **первый** (с конца 60-х до середины 70-х годов) — народники вели кружковую работу и шли в народ; **второй** (с середины 70-х годов до 1882 г.) — развертывается деятельность народнических организаций, которые после ряда неудачных попыток поднять крестьян на революцию переходят к террору против царя и его сановников.

К концу 60-х годов сеть народнических кружков охватывает Петербург, Москву, Киев, Харьков, Одессу и другие крупные города страны. На первых порах в народнических кружках (например, в кружках Н. А. Ишутина и А. В. Долгушина) изучались произведения революционных писателей, в том числе Чернышевского, Писарева, Лаврова, Бакунина, разрабатывались планы пропагандист-

[1] Цит. по кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 532.

ской работы среди крестьян, воспитывались кадры будущих организаторов «хождения в народ». Постепенно между кружками устанавливается связь. Ведущую роль на этой начальной стадии движения играли Т. А. Натансон, С. Л. Перовская, П. А. Кропоткин, Н. А. Чарушин. Они первыми выводят кружковую работу за рамки только «книжных дел», намечают практические пути сближения с крестьянством.

В начале и особенно в середине 70-х годов развернулось знаменитое «хождение в народ». Лозунг «в народ» стал популярным не только среди революционной молодежи, но и среди оппозиционно настроенных слоев общества, ограничивавшихся культурными или благотворительными целями. Однако подавляющее большинство участников похода в деревню стремилось войти в непосредственный живой контакт с широкими крестьянскими массами, поднять их на восстания против царя и помещиков.

Дошедшие до нас документы идеологов народничества и воспоминания непосредственных участников «хождения в народ» показывают, что это движение развертывалось под знаком подготовки крестьянской революции. Общая платформа действий революционеров-семидесятников была изложена главным образом в двух документах, получивших в подпольной России того времени сравнительно широкое распространение: в статье П. Л. Лаврова «Наша программа» и «Прибавление» «А» к книге М. А. Бакунина «Государственность и анархия». Несмотря на наличие тактических разногласий между лавристами и бакунистами, авторы этих работ били в одну точку: они призывали передовую часть разночинной интеллигенции «идти в народ» и поднимать крестьянские массы на революцию во имя идеалов общинного социализма[1].

Призывы Лаврова и Бакунина сами по себе не вызывали споров среди революционной молодежи. Преисполненная романтических иллюзий, эта молодежь была готова испытать свои силы на практике как в качестве «пропагандистов», так и в качестве «агитаторов» идеи общинного социализма. Чтобы сблизиться с народом, многие ее представители спешно обучались какому-либо ремеслу, необходимому в условиях сельской жизни. Армия «летучей» пропаганды среди крестьян насчитывала в своих рядах тысячи функционеров. Всего «хождением в народ» было охвачено не менее 37 губерний.

Важно отметить, что большинство участников народнического

[1] Обе работы опубликованы в сборнике документов и материалов «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I, М., 1964, стр. 20—55.

похода в деревню было убеждено в непосредственной близости крестьянской революции.

Народник той поры, по свидетельству С. М. Степняка-Кравчинского, «твердо верил в то, что не сегодня—завтра произойдет революция, подобно тому, как в середине века люди иногда верили в приближение страшного суда»[1]. О такого рода «твердых надеждах» на близкую революцию писали и другие видные пропагандисты «хождения в народ»[2].

На первом этапе народническое движение 70-х годов носило стихийный характер. Не имея ясной программы и не располагая единой организацией, отдельные народнические кружки и группы были предоставлены самим себе. Многие активные участники «хождения в народ» становились жертвами доносов и провокаций. Только за время с 1873 по 1879 г. к судебной ответственности по делам «социально-революционной пропаганды» было привлечено свыше двух с половиной тысяч человек[3].

Царское правительство рассчитывало не только разгромить народническое движение, но и организовать публичную расправу над революционерами. Об этом свидетельствуют два крупных политических процесса 1877 г., при помощи которых полицейские власти надеялись сокрушить «революционную крамолу» перед лицом всего общества. Но царь и его охранники жестоко просчитались. Выступившие на процессах («Процесс 50-ти» и «Процесс 193-х») подсудимые С. И. Бардина, Г. Ф. Зданович, П. А. Алексеев и И. Н. Мышкин глубоко вскрыли антинародную сущность самодержавно-помещичьего строя и изложили свои взгляды на цели революционного движения в России. Обосновывая закономерность появления социально-революционной партии, защищающей интересы народа, Зданович подчеркнул, что она сильна «чистотой своих принципов, самоотверженностью своих членов. Победа ее несомненна. Первые жертвы, гибель многих ее членов еще более придают ей силы и нравственного достоинства. Я глубоко верю в победу народа, в торжество социальной революции»[4].

Мужественное поведение революционеров на суде, их беззаветная преданность делу народного освобождения и социальной спра-

[1] С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия, стр. 30—31.

[2] См.: В. Л. Дебагорий-Мокриевич. От бунтарства к терроризму, кн. 1. М.—Л., 1930; А. И. Иванчин-Писарев. Хождение в народ. М.—Л., 1929; О. А. Лукашевич. Нечто из попыточной практики. «Красный Архив», 1926, № 2.

[3] См.: «История КПСС». т. 1, стр. 58.

[4] «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I, стр. 363.

ведливости заставило царских слуг отказаться от открытого ведения политических процессов. Живое и свободное слово, прозвучавшее 9 марта и 15 ноября 1877 г. в судебном зале особого присутствия, снова было загнано в глубокое подполье. Между тем подпольная Россия жила напряженной жизнью; попытки демократической интеллигенции сблизиться с крестьянскими массами продолжались. Деятельность революционеров 70-х годов Ленин назвал «расцветом действенного народничества»[1].

Практика «хождения в народ» выявила глубокое несоответствие народнической доктрины с реальной действительностью. Крестьяне не понимали социалистической проповеди народников; абстрактный призыв к равенству и справедливости не встречал у них сочувствия и ожидаемой поддержки. В результате пропаганда социализма в массе, как отмечал О. В. Аптекман, стала отодвигаться на задний план[2]. Вера в «коммунистические инстинкты» мужика-общинника была поколеблена.

Однако сами народники делали из этих первых неудач сближения с крестьянством весьма ограниченные выводы. Они, по словам того же Аптекмана, считали, что опыт революционной деятельности в деревне слишком мал и что следует лишь отказаться от «кочевой» формы борьбы, заменив ее планомерной организацией[3]. Такая организация была создана к осени 1876 г.

Тайное общество «Земля и воля» явилось одной из крупнейших организаций революционного народничества. Оно просуществовало три года — с 1876 по 1879 и открыло новый период в истории борьбы русской революционной демократии против царизма и всего помещичье-буржуазного строя. Во главе общества стояли видные деятели народнического движения 70-х годов — А. Д. Михайлов, С. М. Степняк-Кравчинский, Г. В. Плеханов и др. Землевольцы имели выборный руководящий центр (администрацию) и исполнительские группы (секции) для работы среди крестьян, молодежи, городского населения, а также для самозащиты членов организации от правительственного террора[4]. С 1878 г. «Земля и воля» начала издавать свой печатный орган под тем же названием.

«Земля и воля» была, по определению Ленина, «превосходной организацией... революционеров 70-х годов...»[5]. Она имела четко

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 304.
[2] См.: О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х годов. Л., 1924, стр. 178.
[3] См. там же, стр. 131.
[4] См.: Г. А. Куклин. Итоги революционного движения в России за сорок лет. Отдел II, стр. 5—7.
[5] В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 135.

сформулированную программу и устав, установила строгую конспирацию и дисциплину своих членов. Землевольцам удалось создать хорошо слаженный и активно действующий центр в Петербурге, который контролировал работу народнических организаций на местах.

Деятели «Земли и воли» не отказались от попыток поднять крестьян на социальную революцию. Но они учли печальный опыт прежних походов в деревню и выдвинули на первое место «реально осуществимые требования». Не давшая никакого эффекта «летучая», или «кочевая», пропаганда была заменена «оседлой», т. е. более длительной, пропагандистской и агитационной деятельностью среди крестьянства.

Этот поворот в тактике революционного народничества нашел свое отражение и в программе землевольцев. Ее главным требованием стали переход всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерное ее распределение[1]. Политический же идеал землевольцев не отличался ясностью. В области общественного устройства они по-прежнему выступали за полное самоуправление всех общин. Новое здесь состояло лишь в признании необходимости создания союзами общин своих правительств, но с резко ограниченными функциями[2]. В основе общинного самоуправления лежал федеративный принцип.

Таким образом, программа «Земли и воли» не поколебала старых устоев народничества. Отрицание политики и наивная вера в крестьянский общинный социализм оставались незыблемыми основами ее революционной деятельности.

«Хождение в народ» землевольцы по-прежнему считали делом первостепенной важности. Члены общества, его агенты направлялись на длительную работу в деревню в качестве учителей, врачей, писарей и просто чернорабочих. В ряде районов страны (Поволжье, Придонье, Украина) были предприняты попытки создания оседлых поселений революционеров. И все же намерения землевольцев завоевать доверие крестьян и поднять их на социальную революцию не имели успеха. Организованные ими новые походы в деревню еще раз показали несостоятельность теоретической доктрины и тактики народников.

Но деятельность «Земли и воли» не ограничивалась деревней. Известное внимание уделялось также революционной пропаганде среди рабочих и студенческой молодежи. Землевольцы вели работу на ряде фабрик и заводов Петербурга, участвовали в проведении петербургских стачек второй половины 70-х годов. Несомненной зас-

[1] См.: «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. II, стр. 31.
[2] См.: «История КПСС», т. 1, стр. 59.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград

лугой землевольцев явилась организация первой революционной демонстрации в России. В этой демонстрации, состоявшейся 6 декабря 1876 г. на Казанской площади Петербурга, приняло участие до 300—400 человек. Среди участников демонстрации находилось немало рабочих. С речью перед демонстрантами выступил Г. В. Плеханов, призвавший революционеров следовать заветам своего учителя — Чернышевского. На красном знамени, поднятом после речи оратора 17-летним рабочим Яковом Потаповым, было написано «Земля и воля». Эта демонстрация, разогнанная полицией, показала, что революционное движение в России не только не умерло, как утверждали реакционеры и либералы, а, напротив, продолжало нарастать.

Между тем землевольцы испытывали все большие трудности на пути осуществления своей основной задачи—подготовки крестьянской революции. Растущие неудачи пропаганды в деревне усугублялись массовыми полицейскими репрессиями, порождавшими ответную защитную реакцию со стороны членов тайного общества. Секция замозащиты «Земли и воли» активизировала свою «дезорганизаторскую» деятельность против представителей царской власти. В 1878 г. в ответ на расправы с революционерами были осуществлены покушения на петербургского генерал-губернатора Трепова и шефа жандармов Мезенцева[1]. Отдельные террористические акты землевольцев, продиктованные целями самообороны, сами по себе еще не составляли ошибочной тактики, но они уже свидетельствовали о наступлении эры открытой политической борьбы с царским самодержавием.

Нарастание революционных настроений, с одной стороны, и новые неудачи «хождения в народ» — с другой, вызывали серьезные разногласия и споры в народнической среде. Провозглашенный в программе «Земли и воли» бакунинский идеал «анархии и коллективизма» все чаще и чаще вступал в противоречие с практикой. Часть видных землевольцев, разочаровавшись в возможности поднять крестьян на немедленную революцию, требовала изменения методов борьбы. Внутри «Земли и воли» все более укреплялось «политическое» течение, сторонники которого выдвигали на первый план свержение царского правительства силами революционной партии и переход власти к народу.

Надо иметь в виду, что назревание крутого перелома в тактике народников происходило в обстановке нового демократического подъема в России. Это было в конце 70-х годов, когда в стране складывалась вторая революционная ситуация. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. ослабила экономические устои царского самодержавия и его политический вес в обществе. Зашевелились притихшие было на время реакции либеральные земцы, выдвинувшие свои прежние конституционные требования. Начались студенческие волнения. Новым важным элементом явилось стачечное движение рабочих Петербурга и некоторых других промышленных центров. Но главным в развертывавшемся революционном кризисе был рост возмущения крестьянских масс, который, однако, не поднялся до уровня 60-х годов.

Землевольцам казалось, что создавшаяся обстановка в России благоприятствовала совершению революционного переворота и что упустить этот момент было бы преступлением перед народом. Справедливо считая, что устранение царизма создало бы необходимые условия для пропаганды социализма в деревне, они избрали неправильный путь борьбы. Возникшая втайне от остальных членов общества группа «Свобода или смерть» видела свою основную задачу лишь в подготовке террористических актов против самодержавия. В отличие от «деревенщиков» этих землевольцев можно определить как «политиков-террористов»[1].

Фракционная деятельность группы «Свобода или смерть» получила свое оформление на Липецком съезде, созванном ее участниками в июне 1879 г. Собравшийся вслед за тем съезд «Земли и воли» в Воронеже не смог объединить сторонников двух различных течений. Дальнейшее углубление разногласий между «политиками-террористами» и приверженцами прежних взглядов — «деревенщиками» привело в августе 1879 г. к расколу землевольческого общества на две самостоятельные организации — «Народную Волю» и «Черный передел».

«Народной воле» предстояло свершить крутой поворот в тактике революционного народничества от анархизма к политической борьбе. Народовольцы первыми попытались сплотить демократические силы народа и повести их на свержение царизма. Именно за эту грандиозную и смелую попытку прежде всего и больше всего ценили героев «Народной воли» Маркс, Энгельс и Ленин. В решительной схватке с самодержавием Ленин видел «великую историческую заслугу» перед революцией. «Ошибка же их была в том, — указывал далее Владимир Ильич, — что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»[2].

[1] Покушение на Трепова было совершено В. И. Засулич; Мезенцев был убит С. М. Кравчинским.

[1] См.: «Революционное народничество 70-х годов XIX века». т. II, стр. 6—7.

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 135.

Как известно, героическая деятельность «Народной воли» не получила поддержки в массах, еще не пробудившихся к политической жизни. Не встретила новая тактика сочувствия и в сколько-нибудь широких общественных кругах. В этих условиях народовольцы оказались вынужденными вступить в единоборство с царским правительством, которое получило возможность расправиться с горсткой революционеров силами одного только полицейского аппарата.

Серьезная ошибка «Народной воли» — это принятая ею тактика индивидуального террора и политического заговора. Применение этой тактики предопределяло изоляцию от масс и давало повод реакции для репрессий. Народовольческий экстремизм являлся, таким образом, оборотной стороной анархизма. Отказавшись от нигилистического взгляда на политическую борьбу, свойственную бакунистам, они впали в другую крайность: чрезмерное преувеличение политического фактора, отрыв его от социально-экономических отношений. В глазах народовольцев самодержавие представляло собой орган, стоящий над классами и создающий эти классы «по своему усмотрению». Достаточно поэтому уничтожить самодержавие, чтобы обезвредить буржуазию и дать «совершенно новое направление в народном духе всей нашей истории»[1].

Игнорирование теоретиками «Народной воли» объективных условий освободительного движения прослеживается и на таком примере. «Партия, — указывалось в их программе, — должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее»[2]. В этом противопоставлении партии народу сказался идеализм народовольцев в понимании общественно-политических проблем, идеализм, приведший их к попыткам заменить борьбу классов борьбою отдельных личностей.

Программа «Народной воли» в области общественного переустройства во многом принципиально отличалась от землевольческой. «Наша цель,— говорилось в ней,— отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному Собранию»[3]. Программой предусматривалось введение всеобщего избирательного права, свободы слова, печати, собраний широкого областного самоуправления, замены постоянной армии народным ополчением, превращение земли, фабрик и заводов в собственность народа и осуществление ряда других конкретных требований социально-экономического характера. В общем и целом эта программа знаменовала отход от анархизма, признавала необходимость государства и политических институтов в жизни общества.

Исторический смысл эволюции народничества состоял в переходе от требования разрушения государства и установления общинного социализма к требованию захвата государственной власти и завоевания политических свобод. Выразителями этих новых требований стали народовольцы. «Такое развитие народничества, — писал Ленин,— было совершенно естественно и неизбежно, так как в основе доктрины лежало чисто мифическое представление об особом укладе (общинном) крестьянского хозяйства: от прикосновения с действительностью миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства»[1].

Народовольцы не сознавали, что их новая программа, несмотря на абстрактный и противоречивый характер многих ее формулировок, наносила сокрушительный удар по идее общинного социализма. Они продолжали верить в крестьянскую социалистическую революцию, которая покончит с крепостниками и капиталистами. Однако решающее условие победы такой революции они видели теперь в политическом заговоре, в захвате власти силами одной только нелегальной партии, лишь поддерживаемой народным восстанием. Партия, по утверждению теоретиков «Народной воли», сама создает себе «благоприятный момент» для действий, начинает дело и доводит его до конца[2]. Так восторжествовала бланкистско-ткачевская идея революционного переворота, которая изолировала народовольческую организацию от масс и в конечном счете привела ее к поражению.

Но при всех недостатках и ошибках «Народная воля» сыграла крупную роль в развитии русского освободительного движения. Отрешившись от анархистского взгляда на государство и немедленную крестьянскую революцию, народовольцы главное свое внимание уделяли подготовке боевой и централизованной организации. Они значительно укрепили и развили организационные принципы, заложенные землевольцами. В руководящее ядро народовольческой организации входили бесстрашные борцы за народное дело, испытанные профессионалы-революционеры: А. И. Желябов, Н. И. Кибальчич, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко. Находившийся на нелегальном положении Центральный Комитет «Народной воли» руководил деятельностью сравнительно ши-

[1] «История КПСС», т. 1, стр. 64.
[2] «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. II, стр. 174.
[3] Там же, стр. 172.

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 286.
[2] См.: «Литература партии «Народная воля». М., 1930, стр. 305.

рокой сети местных кружков и групп[1], издавал подпольную прессу. Регулярно выходили периодические органы народовольцев: «Народная воля», «Листок «Народной воли», «Рабочая газета»; выпускались листовки и прокламации.

Все свои силы и революционную энергию «Народная воля» сосредоточивала на борьбе с царским самодержавием. Это была величественная попытка народовольцев захватить власть «посредством «устрашающего» и действительно устрашавшего террора...»[2]. Покушения на царя следовали одно за другим. Наконец 1 марта 1881 г. Игнатием Гриневицким был приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный царю Александру II партией «Народная воля». Монарх был убит, но монархия оставалась. Наступившая полоса жесточайшей политической реакции привела к разгрому «Народной воли» и всего народовольчества. Революционность народников, отмечал Ленин, исчерпала себя первым марта[3].

Не менее сложную и поучительную историю проделала после раскола земледельцев и вторая революционная организация народников—«Черный передел». Вначале чернопередельцы в отличие от народовольцев отстаивали незыблемость прежней программы общества «Земля и воля»; они сторонились политики и ждали прихода социализма от распропагандированного крестьянина-общинника. Однако под воздействием практики чернопередельцы все более и более отходили от анархизма и по некоторым вопросам сближались с народовольцами.

Известно, что деятели «Черного передела» (Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, О. В. Аптекман, В. Н. Игнатов и др.) придерживались более умеренных взглядов по сравнению с народовольцами. Они нередко критиковали теоретиков «Народной воли» за недооценку ими агитационно-пропагандистской работы в крестьянских массах и применение террора как главного средства революционной борьбы. При этом собственные позиции чернопередельцев не оставались неизменными. Чем дальше, тем больше переносили они центр тяжести своей деятельности из деревни в город, в среду рабочих, что ускорило их идейную эволюцию.

В конце 1881 — начале 1882 г. обе стороны предприняли попытки объединения «Черного передела» с «Народной волей». В переписке между представителями этих организаций высказывалась озабоченность царившим разбродом и намечались пути идейного и организационного сплочения. И все же объединения между чернопередельцами и народовольцами не было достигнуто.

Основная причина неудачи попыток объединения «Черного передела» с «Народной волей» крылась в состоянии самого народнического движения, которое уже шло на убыль. А вместе с тем шла эволюция идейных взглядов народников. Свидетельством этой эволюции, может служить «Ответ чернопередельцев-эмигрантов Исполнительному Комитету «Народной воли», написанный в марте 1882 г. Из этого документа видно, что по вопросу о политической борьбе и так называемом «захвате власти» чернопередельцы занимали более реалистические позиции, чем народовольцы. Опыт, приобретенный чернопередельцами после раскола «Земли и воли», убедил их в том, что партия не может существовать без политической деятельности, а успешный «захват власти» возможен лишь при активном участии самих масс[1]. Разумеется, что с этим почти марксистским пониманием проблем революционного движения народовольцы, стоявшие на позиции государственного заговора и индивидуального террора, не могли согласиться.

Так на рубеже 80-х годов прошлого века начался процесс идейного разложения революционного народничества и зарождения марксизма.

3. Революционное народничество и рабочее движение. Первые пролетарские организации

Революционно-освободительное движение разночинной интеллигенции оказало свое влияние на самые различные слои народа, в том числе и на рабочих. По мере расширения фронта борьбы, народники все более убеждались, что фабричные рабочие, вчерашние выходцы из деревни, могут сыграть важную роль в подготовке крестьянской революции. Они видели, как горячо откликались рабочие на революционную и социалистическую пропаганду, направленную против остатков крепостничества и капиталистической эксплуатации. От народников передовые рабочие России узнали о жизни и борьбе европейского пролетариата, от них впервые услышали имя Маркса.

Конечно, народническая пропаганда не могла пробудить в пролетариате классового самосознания. Однако для первых десятилетий пореформенного периода, когда марксизма в России еще не было, она имела прогрессивное значение. Революционные народники способствовали формированию демократических взглядов передовых рабочих, вовлекали их в освободительную борьбу.

[1] По неполным данным, существовало свыше 20 местных кружков и групп, входивших в состав «Народной воли» (см. «История КПСС», т. 1, стр. 63).

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 173.

[3] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 44.

[1] См.: «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. II, стр. 335, 337.

На протяжении 70-х годов рабочее движение в России претерпевает существенные изменения. От стихийных бунтов и разрушения машин рабочие переходят к более эффективным формам протеста. Стачки становятся главным средством борьбы пролетариата. Они приобретают строго антикапиталистическую окраску и охватывают многие промышленные центры страны.

Наглядное представление о динамике стачечного движения российского пролетариата на протяжении первых двух пореформенных десятилетий дает следующая таблица:

	1861—1869 гг.	1870—1879 гг.
Число стачек	63	187
Число участников в стачках (в тысячах)	30,3	79,0[1]

Данные таблицы говорят о том, что к концу 70-х годов объем стачечного движения увеличился более чем в два раза. Оно росло не только в количественном, но и в качественном отношении. Бастующие рабочие проявляют неведомую дотоле стойкость, товарищескую спайку, нередко вступают в схватку с полицией и карательными воинскими частями. Стачки и волнения становятся все более частыми и организованными. «...Систематические стачки,— писал Ленин, — выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического»[2].

Революционные народники стремились использовать стихийное рабочее движение в своих целях. Первые попытки установить связь с рабочими были предприняты еще чайковцами[3]. В дальнейшем пропаганда народников среди рабочих стала носить более или

[1] Данные заимствованы из диаграммы, опубликованной в «Истории КПСС», т. 1, стр. 73.

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 30.

[3] Под условным названием «чайковцев» действовал в конце 60-х — начале 70-х годов ряд народнических кружков и групп, организационно связанных между собой.

менее устойчивый характер. Это находило свое выражение в организации на фабриках и заводах кружков, в создании «рабочих программ» и выпуске для фабрично-заводского люда специальной литературы.

В середине 70-х годов народнические кружки существовали на крупных фабриках и заводах Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, Харькова, Ростова-на-Дону, Орла, Иваново-Вознесенска и других городов страны. Рабочие группы землевольцев и народодельцев вели пропаганду среди фабрично--заводского населения, целью которой было вовлечение пролетариев в народническое движение. Народники пытались воспитать из числа передовых рабочих активных сторонников своих взглядов, подготовить из них агитаторов и организаторов крестьянского восстания.

На первых порах народническая пропаганда среди рабочих имела некоторый успех. Привлекала решительность народников в защите интересов трудящихся, их бесстрашие в борьбе с самодержавно-помещичьим строем. В Петербурге, например, рабочие — члены землевольческих кружков приняли активное участие в известной демонстрации на площади у Казанского собора, а также выступили инициаторами двухтысячной демонстрации протеста, состоявшейся в декабре 1877 г. по случаю гибели нескольких рабочих Патронного завода.

Заметную роль в народническом движении тех лет сыграла «Всероссийская социально-революционная организация», в которую наряду с представителями разночинной интеллигенции входили также и рабочие. Как уже отмечалось, рабочий-революционер Петр Алексеев был одним из главных участников судебного «Процесса 50-ти», устроенного царским правительством по делу этой организации в 1877 г. На суде он произнес пламенную речь, в которой призвал к свержению самодержавия. Заключительные слова своей речи оратор посвятил верности революционной интеллигенции своим принципам: последняя, заявил он, пойдет вместе с нами неразлучно до тех пор, пока «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах»[1].

Эту пламенную речь Петра Алексеева Ленин назвал «великим пророчеством» русского рабочего-революционера.

Примеры, характеризующие активную деятельность рабочих в народнических организациях, не были единичными. Многие передовые пролетарии того времени, находившиеся под влиянием революционного народничества, оставляли города и шли в деревню подни-

[1] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II ч. 2, стр. 47.

мать крестьян на восстания, входили в состав боевых дружин «Народной воли».

Однако ограниченность народнического мировоззрения рамками крестьянского утопического социализма сковывала развитие рабочего движения, мешала правильно понять историческую роль пролетариата, способного возглавить освободительную борьбу всех трудящихся. Чем дальше, тем больше убеждались рабочие-народники в том, что народническая теория не в ладах с практикой революционного движения и что пролетариату следует стремиться к самостоятельной организации. Уже в 70-е годы появляется целая плеяда вожаков рабочего движения (Виктор Обнорский, Степан Халтурин, Петр Моисеенко, Николай Наддачин, Алексей Петерсон и др.), которые в ряде вопросов порывают с народничеством и пытаются вывести пролетариат на путь самостоятельной борьбы.

Исходным пунктом разногласий между народниками — «бунтарями» и передовыми рабочими-семидесятниками был коренной вопрос теории и тактики освободительного движения — об отношении революционеров к политической борьбе. Характерно, что рабочие первыми увидели банкротство анархистско-бакунистской догмы и признали необходимость завоевания демократических свобод.

В середине 70-х годов возникает первая пролетарская организация в России под названием «Южнороссийский союз рабочих». Он был создан из рабочих кружков Одессы революционером-интеллигентом Е. О. Заславским. Разделяя некоторые идеи народничества, Заславский тем не менее считал, что не крестьяне, а рабочие являются наиболее активной силой революции. Его лекции в кружках по вопросам политической экономии и истории пролетарского движения помогали рабочим понять эксплуататорскую сущность капиталистического строя, способствовали делу классового воспитания рабочих, росту их организованности.

Крупным шагом на пути формирования «Союза» явилась выработка его Устава. По своей структуре и назначению он представлял собой изложение основных задач рабочей организации, определял формы и методы ее деятельности. Во вводной части Устава говорилось, что существующий буржуазно-помещичий строй «не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих; что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества»[1]. На некоторых пунктах Устава «Союза» сказалось влияние программных документов I Интернационала, в частности «Временного Устава международного товарищества рабочих и Устава Международной ассоциации рабочих Центральной Женевской секции»[1]. В Уставе подчеркивалась также необходимость пропаганды идеи освобождения рабочих от гнета капитала, отмечалось значение их организованности и дисциплины.

[1] «Южнороссийский рабочий союз», 1924, стр. 17—18.

Устав «Южнороссийского союза рабочих» отразил как сильные, так и слабые стороны рабочего движения 70-х годов. Признание «Союзом» необходимости «насильственного переворота» существующего строя было прогрессивным требованием, но оно все еще базировалось на старом, антинаучном представлении о ходе общественного развития, на неправильном понимании движущих сил революции. Е. О. Заславский и другие деятели «Союза» не были свободны от анархистских воззрений, их идейная позиция представляла собой электрическую смесь народнического и социал-демократического учений.

Руководители и члены «Союза» воспитывались на произведениях революционно-демократической литературы. Среди участников рабочей организации имели широкое распространение прогрессивные журналы «Современник» и «Вестник Европы», нелегальные народнические газеты «Вперед» и «Работник», поэзия Некрасова и Курочкина, труды Чернышевского и Берви-Флеровского. Наиболее подготовленные из членов «Союза» (С. Баранцев, Я. Кравченко, Н. Наддачин и др.) были знакомы с отдельными произведениями Маркса и Энгельса.

Правда, идеи научного социализма, изложенные в трудах Маркса и Энгельса, тогда еще очень слабо доходили до сознания рабочих. Для их восприятия в России 70-х годов не было необходимых условий. Однако то обстоятельство, что отдельные участники первой рабочей организации уже тянулись к марксизму, имело громадное значение для будущего.

По своему социальному составу «Союз» был преимущественно рабочей организацией. В него входило лишь несколько представителей революционно-демократической интеллигенции. Подавляющее же большинство членов «Союза» состояло из потомственных пролетариев, прошедших суровую школу жизни и борьбы.

«Южнороссийский союз рабочих» насчитывал в своих рядах около 60 активных членов. Это было, как отмечал Т. П. Сквери, «устойчивое ядро» рабочей организации[2]. Ядро «Союза» быстро обрастало сочувствующими рабочими. Всего вокруг «Союза» группировалось 150—200 рабочих, которые формально не считались члена-

[1] См.: Б. Итенберг. Южнороссийский союз рабочих — первая пролетарская организация в России. М., 1954, стр. 37—39.

[2] См.: Т. Сквери. Первая рабочая социалистическая организация в Одессе. Одесса, 1921, стр. 35.

ми организации, но знали о ее существовании и всегда были готовы оказать ей посильную помощь.

«Союз» объединял не менее шести групп, действовавших в различных районах Одессы. Самой крупной и активной была группа рабочих железнодорожных мастерских. На общих собраниях членов групп ставились не только вопросы революционной пропаганды — на них обсуждались также вопросы внутренней жизни «Союза» и его практической деятельности.

Задачей «Южнороссийского союза рабочих» было руководство борьбой пролетариата за улучшение материальных условий его жизни. Дошедшие до нас источники свидетельствуют о том, что на счету «Союза» было не менее двух стачек рабочих: первая — на заводе Беллико-Фендериха (январь 1875 г.), вторая — на заводе Бланшарда (август 1876 г.)[1].

Стачка на заводе Беллико-Фендериха была вызвана очередным снижением заработной платы на 15%. На заводе появились печатные прокламации, в которых выражался протест против незаконных действий хозяев; рабочие призывались к стачке. Забастовало 400 рабочих. Стачка продолжалась три дня и, несмотря на поражение, оставила заметный след в истории зарождения рабочего движения в России. Это была первая стачка с участием членов рабочего кружка, влившегося потом в состав «Южнороссийского союза».

Во время второй стачки (на заводе Бланшарда) роль рабочей организации Одессы проявилась с еще большей определенностью. Этой стачке предшествовала известная подготовительная работа. Заводская группа «Союза» напечатала воззвания с требованиями рабочих и разбросала их в мастерских. И хотя администрация завода приняла срочные меры для уничтожения листовок, но она была вынуждена пойти на переговоры с представителями рабочих. В результате переговоров было достигнуто соглашение, по которому рабочие получили плату за сверхурочные часы. Даже такой, казалось бы, незначительный успех стачки на заводе Бланшарда имел в те далекие годы важное значение, ибо он сплачивал рабочих, вселял в них уверенность в силу своей организации.

Деятельность «Южнороссийского союза рабочих» продолжалась около 9 месяцев. В декабре 1875 г. были арестованы многие участники «Союза», в том числе Е. О. Заславский. Однако полиции не удалось расправиться со всеми членами организации. Вскоре после разгрома «Союза» была создана под тем же названием новая организация, которая вела активную революционную пропаганду среди рабочих Одессы.

[1] Некоторые данные об этих стачках содержались в заграничной газете народников-лавристов «Вперед» (1875, № 20, 1876, № 29).

Семидесятые годы характеризовались нарастанием революционной борьбы пролетариата по всей стране. В Петербурге на базе роста стачечного движения пролетариата возник «Северный союз русских рабочих». Эта крупная пролетарская революционная организация, действовавшая в 1878—1879 гг., была создана по инициативе передовых рабочих Обнорского, Халтурина и Моисеенко. Каждый из организаторов «Союза» являлся кадровым пролетарием, испытавшим на собственном опыте всю тяжесть капиталистического рабства.

В. П. Обнорский родился в небольшом городе Грязовце Вологодской губернии. Шестнадцатилетним юношей поступил на один из заводов в Петербурге и с этого времени становится рабочим-слесарем. В двадцать лет он принимает активное участие в рабочем движении столицы. Скрываясь от преследований царского правительства, Виктор Павлович уже в 1873 г. уезжает в Москву, а затем в Одессу. Здесь он ведет революционную пропаганду среди рабочих; в 1874 г. Обнорский едет за границу, где знакомится с опытом западноевропейского рабочего движения.

Из заграницы Обнорский возвращается в Петербург. В течение 1875—1876 гг. под его руководством в столице возникает ряд рабочих кружков. Однако для создания прочной пролетарской организации Обнорскому все еще недоставало необходимых знаний и опыта. Вот почему в ноябре 1876 г. он снова отправляется за границу. Около года Обнорский жил в Женеве, посещал рабочие районы Парижа, Берлина и Лондона. Эта вторая зарубежная поездка Обнорского сделала его убежденным сторонником западноевропейского социал-демократического рабочего движения[1]. По возвращении в Петербург он с головой уходит в революционную работу. Здесь в 1878 г. Обнорский вместе с Халтуриным создает «Северный союз русских рабочих»; он был одним из авторов программы «Союза», организатором его подпольной типографии.

Другой руководитель — С. Н. Халтурин был на четыре года моложе Обнорского. Выходец из крестьян Вятской губернии, он у себя на родине получил начальное образование и некоторое время работал столяром-краснодеревщиком. В начале 70-х годов Степан Николаевич приехал в Петербург, где вскоре поступил на завод. Халтурин, по свидетельству знавшего его Г. В. Плеханова, отличался большой начитанностью, усиленно занимался политическим самообразованием, изучал западноевропейские конституции. С 1875 г. Халтурин — один из активных участников «Общества друзей» — не-

[1] См.: Б. Итенберг. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964, стр. 170.

легальной рабочей организации, стремившейся объединить все рабочие кружки Петербурга.

С. Н. Халтурин охотно сближался с революционными народниками. Однако в период подготовки и деятельности «Северного союза русских рабочих» (1877—1878 гг.) он не разделял некоторых народнических взглядов и тактики. Все помыслы и энергия Халтурина были направлены на создание самостоятельной рабочей организации, независимой от народников. В это же время Халтурин познакомился с рядом видных деятелей рабочего движения Петербурга, в том числе с Обнорским и Моисеенко. В воспоминаниях П. А. Моисеенко указывается: «В начале 78 года я познакомился с Халтуриным ближе... Обнорского я знал, и частенько мы виделись»[1].

В. П. Обнорский, С. Н. Халтурин, П. А. Моисеенко, П. А. Алексеев и другие представители первого поколения рабочих-революционеров были не только искусными организаторами, но и пламенными пропагандистами. Они выражали повседневные нужды «рабочего сословия». Беззаветные борцы вели непрестанную борьбу против капиталистов и правительства. Они, по определению Ленина, показали себя как великие деятели рабочей демократии[2].

В отличие от представителей разночинной интеллигенции, которые рассматривали крестьянство в качестве главной силы социальной революции, вожаки рабочего движения 70-х годов считали, что авангардом революции может быть только фабрично-заводской пролетариат. Вопреки требованиям народнической доктрины, рабочие-революционеры стремились сосредоточить свою пропаганду преимущественно на фабриках и заводах; они скептически относились к идеализации крестьянской общины и были убежденными сторонниками самостоятельной рабочей организации.

Именно такой организацией является «Северный союз русских рабочих». Он располагал сравнительно зрелой политической программой, существенно отличавшейся от народнических программ. В ней подчеркивалось, что по своим задачам «Союз» тесно примыкает к социал-демократическим партиям Запада[3].

Программа «Северного союза» излагала не только ближайшие, но и конечные цели рабочей организации. Если ближайшим требованием программы было завоевание политических свобод (свобода слова, свобода печати, право собраний, стачек и т. д.), то ее конечным требованием являлось «ниспровержение политического и экономического строя государства, как крайне несправедливого[1]. При этом завоевание политической свободы считалось необходимым средством разрешения социальных проблем.

На рабочий класс авторы программы возлагали все свои надежды в революционной борьбе. «На нас, рабочих, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира»[2],—писали они в обращении «К русским рабочим». Это важнейшее программное положение «Союза» в корне подрывало народническое представление о крестьянстве как главной силе социальной революции.

Конечно, программа «Северного союза» не была свободна от мелкобуржуазных и буржуазных влияний. Некоторые пункты программы (например, требования федерации общин и государственной помощи артелям) отражали точку зрения народников и лассальянцев. Полным молчанием был обойден в этом документе и вопрос о замене царской власти народным представительством. Несовершенство программы состояло, далее в том, что она не формулировала конкретных путей и способов борьбы за свержение самодержавно-помещичьего строя, за установление демократии и социализма.

Однако при всех своих недостатках программа «Северного союза русских рабочих» сделала значительный шаг вперед по пути высвобождения рабочего движения из-под влияния народничества. В противовес народникам, видевшим в политике отступление от социализма, составители программы впервые в истории русского освободительного движения намеревались связать идеи социализма и политической борьбы в единое и неразрывное целое. Поэтому не случайно, что наиболее важные пункты программы «Союза» встретили резкое возражение со стороны землевольцев.

В № 4 «Земли и воли», вышедшем в феврале 1879 г., был напечатан отзыв о программе «Северного союза», в котором отмечался «знаменательный факт» появления рабочей организации в Петербурге. Вместе с тем народническая газета упрекала деятелей «Союза» в «отступлении» от революционных традиций прошлого. В отзыве народников, наряду с критикой деятелей «Союза» за заимствования из «катехизиса немецких социал-демократов», указывалось на преувеличение политических свобод. «Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами,— писала «Земля и воля»,— посвящается слишком много времени и

[1] П. А. Моисеенко. Воспоминания. 1873—1923. М., 1924, стр. 16.

[2] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 72.

[3] См.: Г. А. Куклин. Северный союз русских рабочих и Степан Халтурин. Женева, 1904, стр. 7.

[1] Г. А. Куклин. Северный союз русских рабочих и Степан Халтурин, стр. 7.

[2] Там же, стр. 8.

решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле,— а положения революционной программы о значении пропаганды фактами, об активной борьбе даже не дебатируются»[1].

Руководители «Северного союза русских рабочих» ответили редакции «Земли и воли» специальным письмом. В письме, полном достоинства и твердой уверенности в правоте своего дела, они решительно парировали атаки народников и горячо отстаивали основные программные положения «Союза». Подчеркивая необходимость требования политической свободы, представители рабочей организации указывали, что оно не входило в их «особенные планы и расчеты», то есть не было главным требованием программы. «Нет, мы только говорим, что так было бы лучше, что эта свобода все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса»[2].

Письмо «Северного союза» в редакцию «Земли и воли» было обстоятельным и всесторонним. Оно не оставляло без внимания ни одного сколько-нибудь серьезного возражения землевольцев и содержало развернутый комментарий программы «Союза». Авторы письма не были снисходительными не только к критическим замечаниям своих противников, но и к собственным промахам. Признавая действительно существующие недостатки, в частности слабую разработку аграрного вопроса, они выражали надежду, что программа рабочей организации будет подробно разобрана и развита в печати.

Помимо программы в обращении «Северного Союза» «К русским рабочим» был изложен также устав организации. Согласно требованиям устава, в члены «Союза» принимались только рабочие; последние должны были предварительно ознакомиться с программой и заручиться рекомендациями двух товарищей, хорошо известных организации. Каждый член обязывался вносить в кассу «Союза» известную сумму определяемую общим собранием, подчиняться установленной дисциплине и укреплять солидарность между всеми участниками «Союза». Во главе рабочей организации стоял комитет выборных представителей, который избирался и контролировался общим собранием ее членов.

Анализ обращения показывает, что организационному вопросу руководители «Союза» придавали большое значение. Однако устав «Северного союза» был еще далеко не совершенным: в нем, как резонно отмечалось в № 4 «Земли и воли», были слабо разработаны правила приема новых членов, недооценивалось соблюдение условий

[1] «Земля и воля», 1879, № 4, 20 февраля.
[2] «Земля и воля», 1879, № 5, 8 апреля.

конспиративности организации[1]. А это обстоятельство отрицательно сказалось на практической деятельности «Союза».

«Северный союз русских рабочих» просуществовал недолго. Слабая конспирация позволила царской охранке сравнительно быстро выследить руководителей рабочей организации и арестовать Обнорского. Это произошло в 1879 г. Халтурину удалось скрыться от полиции и покинуть Петербург. Лишенные руководства рядовые члены «Союза» пытались продолжить работу: ими был подготовлен к выпуску первый номер газеты «Рабочая заря», проектировавшийся еще Халтуриным и Обнорским. Но газета не увидела света. В начале 1880 г. остатки «Союза» были разгромлены полицией.

«Северный союз» был самой крупной нелегальной организацией русских рабочих домарксистского периода. В его рядах насчитывалось не менее 200 членов. Примерно столько же рабочих — не членов организации — входили в актив «Союза», оказывали ему всяческое содействие. Халтурин и Обнорский предпринимали меры, направленные на то, чтобы влияние «Союза» распространялось за пределы Петербурга; они мечтали превратить «Союз» во всероссийскую организацию рабочих.

Само построение «Северного союза русских рабочих» резко отличалось от построения народнических организаций. Комитет «Союза» находился в непосредственной связи с рабочими группами в различных районах («кварталах») Петербурга. Такая структура позволяла деятелям «Союза» сблизиться с передовыми рабочими, а через них руководить стачками и забастовками на фабриках и заводах. Совсем не случайно, что за время существования «Союза» (1878—1879 гг.) стачечное движение в столице получило широкий размах. Особенно выделялись стачки рабочих Новой бумагопрядильни, фабрики Шау, Путиловского и других заводов.

Массовая стачка рабочих на Новой бумагопрядильне продолжалась более двух месяцев, с 11 марта по 20 апреля 1878 г. Забастовавшие рабочие выставили требования: а) сокращение рабочего дня с 13,5 до 11,5 часа; б) повышение платы, обеспечивающей рабочим прежний заработок при сокращенном рабочем дне; в) отмену штрафов за поломку инструментов и за «дурное поведение» и уменьшение штрафов за прогул; г) отмену взимания платы с рабочих за кипяток; д) улучшение санитарных условий[2]. Вначале администрация фабрики, напуганная размахом забастовки и стойкостью рабочих, обещала удовлетворить их требования. Однако «новые

[1] См.: Г. А. Куклин. Северный союз русских рабочих и Степан Халтурин, стр. 13.
[2] «Хроника революционного рабочего движения в Петербурге». Л., 1940, т. 1, стр. 102.

правила», выработанные на собрании акционеров, содержали лишь самые ничтожные уступки (небольшое уменьшение штрафов, бесплатный кипяток, незначительное повышение платы прядильщикам). «Новые правила» были объявлены рабочим 27 марта, и в тот же день забастовала вся фабрика.

28 марта 1878 г. около 200 рабочих Новой бумагопрядильни направилась к Аничикову дворцу в Петербурге, чтобы вручить жалобу наследнику. Передавая жалобу от имени рабочих, П. А. Моисеенко, возглавлявший стачку на Новой бумагопрядильне, заявил прислуге царевича, что рабочие пришли просить «не за себя только, а за всех рабочих, что на других фабриках тоже грабят и душат[1]. Это была, по сути дела, первая рабочая стачка, которая в ходе своего развития превращалась в уличную демонстрацию.

Массовая стачка на Новой бумагопрядильне имела некоторый успех. После «хождения к наследнику» были сменены директор и главный мастер фабрики, частично удовлетворены требования рабочих. Однако не обошлось и без жертв. Вскоре большая группа передовых рабочих фабрики была выслежена полицией и выслана из столицы за «беспорядки».

В 1879 г. стачечное движение в Петербурге получило еще более широкий размах. Вновь забастовало около 700 ткачей на Новой бумагопрядильне; к ним присоединились рабочие фабрики Шау; волнения среди рабочих произошли на фабриках Мальцева и Чешера, на заводах Кёнига и «Атлас». Многие стачечники боролись не только за свои экономические права, но и выступали в защиту уволенных рабочих, требовали смены ненавистных им мастеров. Стачками и волнениями рабочих столицы теперь уже вплотную руководил «Северный союз».

На собраниях членов «Союза» и в рабочих кружках неоднократно обсуждались вопросы стачечного движения. Когда в январе 1879 г. забастовали ткачи Новой бумагопрядильни, руководители рабочей организации немедленно возглавили их борьбу и предпринимали энергичные меры, чтобы распространить забастовку на другие предприятия города. Степан Халтурин и Петр Моисеенко находились в самой гуще стачечного движения рабочих: они организовали сходки бастующих, вырабатывали общие требования для всех стачечников, посылали рабочих в качестве агитаторов по фабрикам и заводам.

В период зимних стачек 1879 г. «Союз» и контролируемые им кружки выпустили ряд воззваний к рабочим Петербурга, напечатанных в тайной типографии «Земли и воли». В одном из таких воззваний, озаглавленном «Рабочим от центрального комитета «Северного союза русских рабочих», говорилось:

«Братья!

Вам уже известно, что на днях в Петербурге было две стачки рабочих: на фабрике Шау и на Новой бумагопрядильне. Эти стачки были вызваны тем бедственным положением, которое испытывают рабочие при ничтожном вознаграждении за труд. Но одна стачка должна была прекратиться, потому что все рабочие были объявлены бунтовщиками и рассчитаны. 250 рабочих оказались совсем без работы, пищи и крова. Стачка на Новой бумагопрядильне продолжает держаться, но неизвестно, как долго продлится, если мы не употребим со своей стороны всех усилий. Рабочие ходили к башибузуку Зурабову[1] заявить о своих требованиях, но по дороге были разогнаны жандармами и жестоко избиты: 11 человек отправлены в больницу; десятки наших товарищей сидят по разным частям и в пересыльной тюрьме.

Остается только надеяться на себя и на своих братьев — рабочих»[2].

Прокламации «Северного союза» к бастующим рабочим поражают простым и суровым языком правды. Авторы воззваний не скрывали от рабочих ни трудностей, ни поражений, и вместе с тем они звали к стойкости в борьбе, к тесному сплочению и взаимопомощи. Именно таким горячим призывом к взаимной дружбе и единению рабочих проникнуты строки листовки, написанной от имени ткачей Новой бумагопрядильни. После изложения основных требований к хозяевам фабрики, в прокламации сказано: «Если все мы будем дружно держаться — хозяева должны будут уважить наши требования: ведь они от наших трудов только и живут, нашей кровью богатеют, каждый день, что мы не работаем — им несколько тысяч убытку. Когда до вас коснется, мы поддержим вас — и ваши требования будут уважены. Так и будет всегда! Все за одного, один за всех»[3].

Появление воззваний и их распространение на некоторых фабриках и заводах Петербурга — важное событие в истории рабочего движения 70-х годов. Они наглядно свидетельствовали о серьезном размахе стачечной борьбы пролетариата и о первых попытках рабочей организации руководить этой борьбой.

Семидесятые годы характеризовались, таким образом, не только полным расцветом народничества, но и начавшимся подъемом

[1] «Хроника революционного рабочего движения в Петербурге», т. 1, стр. 103.

[1] Зурабов — петербургский градоначальник того времени.
[2] «Былое». Спб., 1906, январь, стр. 178.
[3] Там же, стр. 180.

революционной борьбы рабочего класса. Это последнее обстоятельство имело первостепенное значение. Уже тогда, по образному выражению Плеханова, рабочее движение нашей страны переросло народничество на целую голову[1].

Высокую оценку начального периода в развитии рабочего движения в России мы находим в произведениях В. И. Ленина. В противовес «экономистам», пытавшимся свести пролетарскую борьбу 70-х годов только к стихийным стачкам и забастовкам, Ленин подчеркивал ее широкий размах и политическую направленность. Он писал: «Когда в 1875 г. образовался «Южно-русский рабочий союз» и в 1878 г. «Северно-русский рабочий союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»[2]. Именно рабочее движение 70-х годов нанесло первый чувствительный удар по анархизму народников.

Однако заря русского рабочего движения не была безоблачной. После полицейского разгрома первых рабочих союзов и спада стачечной волны 1878—1879 гг. рабочее движение вступило в полосу тяжелых испытаний. Среди фабрично-заводского пролетариата вновь усилилась пропаганда народнических идей. Особую опасность представляла народовольческая идея индивидуального террора, которая захватила не только значительную часть революционной интеллигенции, но и некоторых передовых рабочих. На путь террора вступил и Степан Халтурин. Последний, как известно, установил в конце 1879 г. связь с руководителями «Народной воли» и занялся подготовкой взрыва в Зимнем дворце.

Зарождение рабочей демократии в 70-х годах прошлого века во многом усилило революционно-освободительное движение в России. Но пролетарско-демократическая струя этого движения находилась тогда еще в зачаточном состоянии и из общего потока народничества не могла выделиться[3]. Потребовалось не менее двух десятилетий упорной борьбы, чтобы рабочее движение России освободилось от чуждых ему мелкобуржуазных влияний и слилось с теорией научного социализма.

* * *

Как видим, революционное народничество составило яркую страницу в развитии освободительного движения в России. Возникнув в эпоху падения крепостного права, оно выражало интересы массы мелких производителей, недовольных как гнетом полуфеодальных отношений, так и натиском капитала. В этой решительной борьбе против старых и новых эксплуататоров народники 60-х и 70-х годов руководствовались утопическим идеалом социальной революции. Неверная в качестве доктрины социализма, народническая идеология была, однако, исторически прогрессивной в качестве программы крестьянской демократии, стремившейся к ликвидации всех остатков крепостничества.

Народническое революционно-демократическое движение не могло, разумеется, достигнуть намеченной цели. Крестьянская социалистическая революция, с которой народники связывали все свои надежды на будущее, оказывалась чистой иллюзией. Но их героическая деятельность не была напрасной: она расшатывала устои самодержавно-помещичьего строя и способствовала «революционному воспитанию русского народа»[1].

Классики марксизма-ленинизма, не разделявшие утопических воззрений народников, тем не менее высоко оценивали их революционную деятельность; они восхищались героической борьбой землевольцев и народовольцев, вступивших в смертельную схватку с царизмом, и глубоко понимали ее прогрессивное историческое значение. Ликвидация самодержавия дала бы, по их мнению, мощный толчок развитию освободительного движения не только русского, но и западноевропейского пролетариата.

К. Маркс и Ф. Энгельс справедливо считали, что объективное содержание народнической утопии отражало борьбу крестьянства против самодержавно-помещичьего строя России, служившего оплотом мировой реакции. В послесловии к работе «О социальном вопросе в России» Энгельс писал: «Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов... Этих людей мы не потянем к ответу за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но разделять их иллюзии мы вовсе не обязаны. Время избранных народов миновало безвозвратно»[2].

К. Маркс и Ф. Энгельс были первыми исследователями и критиками русского революционного народничества. В ряде своих работ («Письмо в редакцию «Отечественных записок», «О социальном вопросе в России», «Предисловие к русскому изданию «Коммуни-

[1] См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 184.
[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 4, стр. 245.
[3] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 25, стр. 94.

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 315.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 451.

стического Манифеста» и др.) они глубоко проанализировали социально-экономические основы народнического движения, наметили общие пути и перспективы его развития. С особым вниманием Маркс и Энгельс относились к представителям Русской секции I Интернационала, они считали Чернышевского великим ученым и вождем русской революционной демократии, оказывали всяческую поддержку Лопатину и Лаврову, разоблачали ошибочные взгляды Ткачева и Бакунина; их симпатии были всецело на стороне землевольцев и народовольцев.

Опираясь на исходные положения Маркса и Энгельса, Ленин дал исчерпывающую оценку исторической роли революционных народников в освободительной борьбе русского народа. Ленинская концепция народничества, выдержавшая испытания временем, решительно отвергала рассуждения Струве и меньшевиков о якобы негативном и даже сплошь реакционном характере народнического движения. Ленин научно доказал, что народники — это не продолжатели славянофильства, как полагал Струве, и не идеологи изолированной от общества разночинной интеллигенции, как утверждали меньшевики, а выразители интересов широких масс крестьянства. «Народничество, — писал Ленин, — очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов. Экономическую теорию народников разрабатывали всего цельнее В. В. (Воронцов) и Николай — он в 80-х годах прошлого века. В начале XX века социалисты-революционеры выражали наиболее оформленно взгляды левых народников.

Революция 1905 года, показав все общественные силы России в открытом, массовом действии классов, дала генеральную проверку народничеству и определила его место. Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества»[1].

В известной статье «О национальной гордости великоросов» Ленин подчеркивал историческую заслугу первых поколений революционеров России в борьбе за социальное и национальное освобождение трудящихся от гнета царизма, помещиков и капиталистов. Русский народ, отмечал Ленин, гордится тем, что из его среды вышли Радищев, декабристы и революционеры-разночинцы[2]. Их боевые революционно-демократические традиции получили всемирную известность и вошли в арсенал российской социал-демократии.

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 304—305.
[2] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 107.

Революционные традиции прошлого и прежде всего традиции революционного народничества партия рабочего класса не могла воспринять механически, без критического анализа и коренной переработки. Такая переработка революционно-демократического наследства необходима была не только для того, чтобы отвергнуть утопические взгляды и ошибочную тактику народников, но и правильно использовать их богатый практический опыт в новых условиях классовой борьбы. «...Марксисты, — учил Ленин, — должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного боевого демократизма крестьянских масс»[1].

Возникшая на пороге XX в. марксистско-ленинская партия российского пролетариата унаследовала лучшие традиции революционного народничества. Непримиримая вражда к эксплуататорам, беззаветное служение делу освобождения трудящихся, самоотверженный поиск путей свержения самодержавно-помещичьего строя, в том числе опыт централизованной организации и конспиративной техники — все эти черты пролетарского движения в России восходят к предшественникам социал-демократии — революционерам разночинского периода.

В. И. Ленину принадлежит классическая характеристика идейно-теоретического наследства революционных народников как предшественников марксизма и социал-демократии в России. «...Роль передового борца, — писал он в книге «Что делать?», — может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...»[2].

Одна из заслуг революционного народничества — попытка решить аграрный вопрос путем крестьянской революции. И хотя опыт народнического решения этой коренной проблемы русского освободительного движения оказался несостоятельным, он послужил уроком на будущее. Принципиальная критика крестьянского утопического социализма составила важнейшую задачу русских марксистов. Учтя неудачный опыт работы народников в деревне, пролетарская партия во главе с Лениным выработала строго научную аграрную программу и проводила последовательную политику сою-

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 22. стр. 121.
[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 25.

за рабочего класса с многомиллионными массами крестьянства.

Деятельность революционных народников во многом способствовала пробуждению демократического сознания передовых рабочих России. Под влиянием народников целая плеяда рабочих 70-х годов вступила в революционную борьбу против самодержавно-помещичьего строя. Вместе с тем уже первые рабочие союзы нащупывают свой самостоятельный путь развития, отличный от народнического. Однако рабочее движение в целом еще не могло преодолеть идейного влияния народничества. Потребовалось немало времени и труда, чтобы народнический утопический социализм уступил свое место научному — теории марксизма.

Марксисты-ленинцы никогда не отбрасывали и организационный опыт революционных народников. Известно, что создание боевой и централизованной организации в царском подполье Ленин считал большим достижением землевольцев. В то же время он с большой похвалой отзывался о профессиональных революционерах, действовавших в эпоху 60-х и 70-х годов. Крупнейших деятелей той эпохи Ленин называл «корифеями революции» и указывал, что армии пролетарских борцов нужны «социал-демократические Желябовы»[1].

Конечно, Ленин требовал не подражательного, а критического отношения к организованному опыту революционного народничества. Он полагал, что социал-демократы должны создать более совершенный тип партийной организации, опирающейся на массовое рабочее движение.

Революционное народничество, господствовавшее в освободительном движении России разночинского периода, представляло собой разновидность утопического социализма. В этом смысле оно не было специфически русским явлением. Повсюду в мире революционная мысль развивалась через утопический социализм к научному. Именно таким своеобразным процессом ее развития явился переход от народничества к марксизму, происходивший в нашей стране на протяжении 80-х годов прошлого века.

[1] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 171.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КРИЗИС РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА И ПОЯВЛЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ

Переход от народничества к марксизму в России занял целое десятилетие — с 1883 по 1893 г. То было переломное время, когда рушились догмы старого народничества и утверждалось новое направление в русском освободительном движении. Смена народнического социализма научным предвещала наступление третьего, пролетарского этапа революционной борьбы. Именно научный социализм был положен в основу идейной подготовки российского рабочего класса как руководящей силы (гегемона) грядущей революции.

В. И. Ленин указывал, что поиск передовой революционной теории в нашей стране начался еще до отмены крепостного права. Однако первые успехи этому поиску принесли лишь 80-е годы прошлого века. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, — писал Ленин, — Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX в. таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»[1].

Учение Маркса и Энгельса, воспринятое и развитое пионерами российской социал-демократии, вывело наше революционно-освободительное движение из тупика: оно очистило это движение от

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 8.